

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева

Аля
(Записи о моей первой дочери)
Ах, несмотря на гаданья друзей,

Будущее непроглядно!

– В платьице твой вероломный Тезей,

Маленькая Ариадна!

МЦ

Коктебель. 5-го мая 1913 г., воскресенье.

(День нашей встречи с Сережей. – Коктебель, 5-го мая 1911 г., – 2 года!)

Ревность. – С этого чуждого и прекрасного слова я начинаю эту тетрадь.

Сейчас Лиля – или Аля – или я сама – довела себя почти до слез.

– Аля! Тебе один год, мне – двадцать один.

Ты все время повторяешь: «Лилия, Лилия, Лилия», даже сейчас, когда я пишу.

Я этим оскорблена в своей гордости, я забываю, что ты еще не знаешь и еще долго не будешь знать, – кто я. Я молчу, я даже не смотрю на тебя и чувствую, что в первый раз – ревную.

Это – смесь гордости, оскорбленного самолюбия, горечи, мнимого безразличия и глубочайшего возмущения.

– Чтобы понять всю необычайность для меня этого чувства, нужно было бы знать меня – лично – до 30-го сентября 1913 г.

ялта, 30-го сентября 1913 г., понедельник.

Аля – Ариадна Эфрон – родилась 5-го сентября 1912 г. в половину шестого утра, под звон колоколов.

Девочка! – Царица бала,
Или схимница, – Бог весть!
– Сколько времени? – Светало.
Кто-то мне ответил: – Шесть.

Чтобы тихая в печали,
Чтобы нежная росла, –
Девочку мою встречали
Ранние колокола.

Я назвала ее Ариадной, вопреки Сереже, который любит русские имена, папе, который любит имена простые («Ну, Катя, ну. Маша, – это я понимаю! А зачем Ариадна?»), друзьям, которые находят, что это «салонно».

Семи лет от роду я написала драму, где героиню звали Антрилией. – От Антрилии до Ариадны, –

Назвала от романтизма и высокомерия, которые руководят всей моей жизнью.

– Ариадна. – Ведь это ответственно! –

– Именно потому. –

Алиной главной, настоящей и последней кормилицей (у нее их было пять) – была Груша, 20-тилетняя красивая крестьянка Рязанской губернии, замужняя, разошедшаяся с мужем.

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Круглое лицо, ослепительные сияющие зеленые деревенские глаза, прямой нос, сверкающая улыбка, золотистые две косы, – веселье, задор, лукавство, – Ева!

и безумная, бессмысленная, безудержная – первородная – ложь.

Обокрав весной весь дом и оставленная мной в кормилицах, она, приехав в Коктебель – было очень холодно, безумные ветра, начало весны, – она писала домой родителям:

«Дорогие мои родители! И куда меня завезли! Кормлю ребенка, а сама нож держу. Здесь все с ножами. На берегу моря сидят разные народы: турки, татары, магры» (очевидно, смесь негра и мавра!).

– Барыня, какие еще народы бывают?

– Французы, Груша!

«...турки, татары, магры и французы и пьют кофий. А сами нож держат. Виноград поспел, – сладкий. Вчера я была в Старом Иерусалиме, поклонялась гробу Господню...»

– Груша, зачем вы все это пишете?

– А чтобы жалели, барыня, и завидовали!

В Коктебеле ее все любили. Она работала, как вол, веселилась, как целый табун. Знала все старинные песни, – свадебные, хороводные, зауспокойные. Чудно танцевала русскую. По вечерам она – без стыда и совести – врывалась на длинную террасу, где все сидели за чаем – человек тридцать – и всплескивая руками, притоптывая ногами, визжа, причитая, кланяясь в пояс, «величала» – кого ей вздумается.

– И Максимилиана – свет – Александровича и невесту его – которую не знаю...

И еще:

Розан мой алый,
Виноград зеленый!

Алю она страшно любила и так как была подла и ревнива, писала домой: «А девочка барыню совсем не признает, отворачивается, меня зовет „мама“. – Явная ложь, ибо Аля меня знала и любила.

Аля в то время была wunderkind'ом[1] по уму, красоте глаз и весу. Все восхищались и завидовали. Один господин, увидев нас вместе:

прекрасного Сережу, молодую меня, похожую на мальчика, красавицу Грушу и красавицу Алю, воскликнул:

– Целый цветник! –

Мне, когда родилась Аля, не было 20-ти, Сереже – 19-ти. С Алей вместе подрастал котенок – серый, дымчатый – Кусака. Рос он у меня за матроской и в Алиной кровати. Груша отцеживала ему своего молока, и вырос он почти человеком. Это была моя великая кошачья любовь.

Его шкурка до сих пор висит у меня на стене – ковриком.

Макс Волошин о Груше и Але сказал однажды так:

– У нее пьяное молоко, и Аля навсегда будет пьяной.

Груша ушла от меня, когда Але был год. Ее выслали из Ялты полиция – ждали Царя и очищали Ялту от подозрительных личностей, а у Груши оказался подчищенный паспорт. Она вместо фамилии мужа, которого ненавидела, поставила свою, девичью.

Приехав в Москву, она заходила ко всем моим коктебельским знакомым и выпрашивала – от моего имени – деньги.

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Потом я потеряла ее след.

(Написано мая 1918 г., Москва)

(Выписки из дневника)

Москва, 4-го декабря 1912 г., вторник.

Завтра Але 3 месяца. У нее огромные светло-голубые глаза, темно-русые ресницы и светлые брови, маленький нос, – большое расстояние между ртом и носом, – рот, опущенный книзу, очень вырезанный; четырехугольный, крутой, нависающий лоб, большие, слегка оттопыренные уши; длинная шея (у таких маленьких это – редкость); очень большие руки с длинными пальцами, длинные и узкие ноги. Вся она длинная и скорей худенькая, – *tirée en longueur*. [2]

Живая, подвижная, ненавидит лежать, все время сама приподнимается, замечает присутствие человека, спит мало.

Родилась она 9-ти без четверти – фунта. 12-ти недель она весила – 13 ½ фунтов.

Москва, 11-го декабря 1912 г., вторник.

Вчера Леня Цирес, впервые видевший Алю, воскликнул; „Господи, да какие у нее огромные глаза! Я никогда не видел таких у маленьких детей!“

– Ура, Аля! Значит глаза – Сережины.

Москва, 12-го декабря 1912 г., среда.

Пра сегодня в первый раз видела Ариадну. „Верно, огромные у нее будут глаза!“

– Конечно, огромные!

Говорю заранее: у нее будут серые глаза и черные волосы.

[3]

Москва, 19-го декабря.

У Али за последнее время очень выросли волосы. На голове уже целая легкая шерстка.

Завтра у нас крестины.

Крестной матерью Али была Елена Оттобальдовна Волошина – Пра. Крестным отцом – мой отец, И. В. Цветаев.

Пра по случаю крестин оделась по-женски, т. е. заменила шаровары – юбкой. Но шитый золотом белый кафтан остался, осталась и великолепная, напоминающая Гёте, огромная голова. Мой отец был явно смущен. Пра – как всегда – сияла решимостью, я – как всегда – безумно боялась предстоящего торжества и благословляла небо за то, что матери на крестинах не присутствуют. Священник говорил потом Вере:

– Мать по лестницам бегаёт, волосы короткие, – как мальчик, а крестная мать и вовсе мужчина...

Я забыла сказать, что Аля первый год своей жизни провела на Большой Полянке, в Малом Екатерининском переулке, в собственном доме, – купеческом, с мезонином, залой с аркой, садиком, мохнатым-лохматым двором и таким же мохнатым-лохматым дворовым псом, похожим на льва – Османом. Дом мы с Сережей купили за 18 1/2 тысяч. Османа – в придачу – за 3 рубля.

Эта пометка относится к маю 1918 г.

Феодосия, 12-го ноября 1913 г., вторник.

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Але 5-го исполнилось 1 год 2 месяца.

Ее слова:

ко – кот (раньше – ки)

тетя Вава – Ваня

куда – куда

где, Лоля

мама

няня

папа

пá – упала

кá – каша

кука – кукла

нам, нá – нá

Аля

мням-ням

ми-и – милый.

Всего пока 16 сознательных слов. Изредка говорит еще „úва“ – лёва.

У нее сейчас 11 зубов.

Она ходит одна. Побаивается, прижимает к груди обе руки. Ходит быстро, но не твердо.

В Серезиной комнате есть арка с выступами, на одном из которых сидит большой – синий с желтым – лев.

Аля проходит, держа в руке другого льва – из целлулоида.

– Аля, положи лёву к лёве! –

Она кладет маленького между лап большого и на обратном пути вновь берет его.

– Аля, дай лёву папе.

Она подходит к Серезе и протягивает ему льва.

– Папа! Папа! На!

– Аля, куку!

– Куку!

– Кто это сделал? Аля?

– Аля!

– Аля, дай ручку!

Дает, лукаво спрятав ее сначала за спину. Это у нее старая привычка, – еще с Коктебеля.

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru Она прекрасно узнает голоса и очаровательно произносит: „мама“, – то ласково, то требовательно до оглушительности. При слове „нельзя“ свирепеет мгновенно, испуская злобный, довольно отвратительный звук, – нечто среднее между „э“ и „а“ – вроде французского „îp“.

Уже произносит букву „р“, – не в словах, а в отдельных звуках.

Еще одна милая недавняя привычка.

Сереза все гладит меня по голове, повторяя:

– Мама, это мама! Милая мама, милая, милая. Аля, погладь!

И вот недавно Аля сама начала гладить меня по волосам, приговаривая:

– Ми! Ми! – т. е. „милая, милая“.

Теперь она так гладит всех – и Серезу, и Волчка, и Кусаку, и няню – всех, кроме Аси, которую она злобно бьет по шляпе.

Меня она любит больше всех. Стоит мне только показаться, как она протягивает мне из кровати обе лапы с криком: „на́!“

От меня идет только к Серезе, к няне – с злобным криком.

Купаться ненавидит, при виде волны уже начинает плакать.

Упряма, но как-то осмысленно, – и совсем не капризна.

Кота она обожает: хватается за что попало, при виде или голосе его кричит „кб“, подымает его за загривок на воздух, старается наступить. Все животные для нее – „кб“.

Сейчас она сидит у меня на коленях и дает бумажку со спичечной коробки: – на́!

Вчера вечером, когда я заходила к Редлихам за чаем для Серези и Аси, старик Редлих сказал мне: – Хотите, я Вам скажу новость? – Какую? – Ваша дочка танцует. Ее сегодня приносила к нам на минутку Аннетта, и – представьте себе: она танцевала! Это было так трогательно!

(Сейчас она изо всех сил кричит за дверью: – Мама! Мама! Мама!)

С виду ей можно дать полтора года и больше. У нес бледное личико с не совсем еще сошедшим загаром. Глаза огромные, светло-голубые. Брови темнеют. – „У нее будут соболиные брови“, – сказала Пра, когда увидела ее после 2-х месяцев разлуки.

Волосы – по выражению Аси – пегие. На затылке русые, спереди льняные, седые, зеленоватые, – как у деревенских детей. Твердые и густые. Недавно я катала ее колясочку при луне.

О ее глазах: когда мы жили в Ялте, наша соседка по комнате, шансонетная певица, все вздыхала, глядя на Алю: – Сколько народу погибнет из-за этих глаз!

И здесь, в Феодосии, художник-анархист Prévost, француз, родившийся в Алжире, сказал мне, только что познакомившись:

– „Вчера я видел Вашу дочь. Какой прелестный ребенок! И какие у нее глаза! Сколько я ни смотрел, я никак не мог охватить их взглядом!“...

Феодосия, 18-го ноября 1913 г., понедельник.

Третьего дня Аля первый раз поцеловала... кота. Это был ее самый первый поцелуй. После этого она два раза погладила себя по голове, приговаривая: – ми, ми.

Вчера я кончила ей стихи. Завтра ей год, 2 с половиной месяца. Несколько дней тому назад она определенно начала драться.

– Да, теперь она, на вопрос: – Как тебя зовут? – отвечает: Аля.

Аля! Маленькая тень
На огромном горизонте.
Тщетно говорю: „Не троньте!“
Будет день
Милый, грустный и большой, –
День, когда от жизни рядом
Вся ты оторвешься взглядом
И душой.
День, когда с пером в руке –
Ты на ласку не ответишь.
День, который ты отметишь
В дневнике.
День, когда, летя вперед
Своенравно, без запрета
С ветром в комнату войдет –
Больше ветра!
Залу, спящую на вид,
Но волнистую, как сцена,
Юность Шумана смутит
И Шопена.
Целый день настороже,
А ночами – черный кофе.
Лорда Байрона в душе
Тонкий профиль...
Метче гибкого хлыста
Остроумье наготове.
Гневно сдвинутые брови
И уста...
Прелесть двух огромных глаз,
Их угроза, их опасность.
Недоступность – гордость – страстность
В первый раз...
Благородным без границ
Станет профиль – слишком белый,
Слишком длинными – ресниц
Станут стрелы;
Слишком грустными – углы
Губ изогнутых и длинных,
И движенья рук невинных –
Слишком злы.
„Velle au bois dormant“ Перро, –
Аля! – Будет все, что было.
Так же ново и старо,
Так же мило. [4]
Будет, – сердце, не воюй,
И не возмущайтесь, нервы! –
Будет первый бал и первый
Поцелуй.
Будет „он“. (Ему сейчас
Года три или четыре.)
– Аля! Это будет в мире
В первый раз.
МЦ

Феодосия, 5-го декабря 1913 г., среда.

Сегодня Але 1 год 3 месяца. У нее 12 зубов (3 коренных и 1 глазной).

Новых слов не говорит, но на вопросы: где картина? конь? кроватка? глазки? рот? нос? ухо? – указывает правильно, причем ухо ищет у меня за волосами.

Вчера она, взяв в руки лист исписанной бумаги, начала что-то шептать, то удаляя его от глаз, то чуть ли не касаясь его ресницами. Это она по примеру Аннетты, читавшей перед этим вслух письмо, – „читала“. Тогда Сережа дал ей книгу, и она снова зашептала. С бумажкой в руках она ходила от Сережиной кровати до кресла, непрерывно читая.

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Еще новость: сто́ит мне только сказать ей „нельзя“ или просто повысить голос, как она сразу говорит: „ми“ и гладит меня по голове. Это началось третьего дня и длится до сегодняшнего вечера.

– Аля! Кто это сделал? Аля, так нельзя делать!

– Куку! Я не сдаюсь.

– Ми! Ко!

Я молчу.

Тогда она приближает лицо к моему и прижавшись лбом, медленно опускает голову, все шире и шире раскрывая глаза. Это невероятно-смешно.

Ходит она с 11 1/2 месяцев и – надо признаться – плохо: стремительно и нетвердо, очень боится упасть, слишком широко расставляет ноги.

Последний раз я снимала ее 23-го ноября (1 год 2 1/2 месяца, – один раз с Пра и два раза одну. С Пра она похожа на куклу.

Вообще, она плохо выходит, фотография не передает голубого цвета, и чудные ее глаза пропадают.

Феодосия, Сочельник 1913 г., вторник.

Сегодня год назад у нас в Екатерининском была елка. Был папа, – его последняя елка! – Алю приносили сверху в розовом атласном конверте (у нас дома говорили – „пакет“, и наши куклы были в „пакетах“), – еще моем, дедушкином.

Еще Аля испугалась лестницы.

Сейчас я одна. Сережа в Москве.

Аля ходит по комнатам в красном клетчатом платье, подарке Аси на 5-ое сентября. За последнюю неделю она стала смелее ходить.

Ее новые слова:

агó – огонь

тó – что

тама – там

áпа – лапа

иди – да

не – нет

дядя Атя – Ася

но́ – нос

ухяо – ухо

Как собака лает? – Ау!

Как кошка мяучит? – Мяу.

Слыша собачий лай, сразу говорит: „àу“.

Несколько дней после отъезда Сережи в больницу, я сидела с ней в его комнате, и она все время подходила к его кровати, открывала одеяло, смотрела кругом и повторяла: „Папа! Куда?“ Теперь она на вопрос: „где?“ вместо прежнего „куда“ отвечает „гама“.

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Сейчас они с Аннеттой пошли к Редлихам – которые сейчас в Москве. Там прислуга Соня украшает елку для своего мальчика Вани. – Аля зовет его Вава. –

Какая Аля будет через год? Непременно запишу в Сочельник.

Сегодня я кончила стихи „Век юный“...

– Когда промчится этот юный,

Прелестный век...

30-го мы выступаем с Асей на балу в пользу погибающих на водах.

Да! Але это будет интересно.

Когда я на втором нашем выступлении сказала перед стихами Але – „Посвящается моей дочери“ – вся зала ахнула, а кто-то восторженно крикнул: „Браво!“

Мне на вид не больше 17-ти лет.

Феодосия, 26-го декабря. 1913 г., четверг.

1917 год

„Все о себе, все о любви“. Да, о себе, о любви – и еще – изумительно – о серебряном голосе оленя, о неярких просторах Рязанской губернии, о смуглых главах Херсонесского храма, о красном кленовом листе, заложенном на Песни Песней, о воздухе, „подарке Божьем“... и так без конца... И есть у нее одно 8-стишие о юном Пушкине, которое покрывает все изыскания всех его биографов. Ахматова пишет о себе – о вечном. И Ахматова, не написав ни одной отвлеченно-общественной строчки, глубже всего – через описание пера на шляпе – передаст потомкам свой век... О маленькой книжке Ахматовой можно написать десять томов И ничего не прибавишь... Какой трудный и соблазнительный подарок поэтов – Анна Ахматова!

1918 год

О черни.

Кого я ненавижу (и вижу), когда говорю: чернь.

Солдат? – Нет, сiju и пью с ними чай часами из боязни, что обидятся, если уйду.

Рабочих? – Нет, от „позвольте прикурить“ на улице, даже от чистосердечного: „товарищ“ – чуть ли не слезы на глазах.

Крестьян? – Готова с каждой бабой уйти в ее деревню – жить: с ней, с ее ребятишками, с ее коровами (лучше без мужа, мужиков боюсь!) В главное: слушать, слушать, слушать!

Кухарок и горничных? – Но они, даже ненавидя, так хорошо рассказывают о домах, где жили: как барин газету читал: „Русское слово“, как барыня черное платье себе сшила, как барышня замуж не знала за кого идти: один дохтур был, другой военный...

Ненавижу – поняла – вот кого: толстую руку с обручальным кольцом и (в мирное время) кошелку в ней, шелковую („кlesh“) юбку на жирном животе, манеру что-то высасывать в зубах, шпильки, презрение к моим серебряным кольцам (золотых-то, видно, нет!) – уничтожение всей меня – все человеческое мясо – мещанство!

Большевики мне дали хороший русский язык (речь, молвь)... Очередь – вот мой Кастальский ток! Мастеровые, бабки, солдаты... Этим же даром большевикам воздам!

1-го июня 1918 г.

Аля:

– Ты сожженная какая-то.

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– Я никак не могу придумать для тебя подходящего ласкательного слова. Ты на небе была и в другое тело перешла.

Солдатики на Казанском вокзале.

Аля: „У меня тоже есть книга. – Толстого Льва: как лев от любви задохся“.

В деревне я – город, в городе – деревня. (В городе, летом, хожу без шляпы, в деревне – не хожу босиком. Распущенность.) Вернее всего – оттуда: с окраин, с застав.

– Вы любите детей? – Нет. – Могла бы прибавить: „не всех, так же, как людей, таких, которые“ и т. д.

Могла бы – думая об 11-летнем мальчике Османе в Гурзуфе, о „Сердце Анни“ Бромлей, и о себе в детстве – сказать „да“.

Но зная, как другие говорят это „да“ – определенно говорю – „нет“.

Не люблю (не моя стихия) детей, пластических искусств, деревенской жизни, семьи.

Милый друг: Вы говорите – и Вы правы – что и желание смерти – желание страсти. Я только переставляю.

Куда пропадает Алина прекрасная душа, когда она бежит по двору с палкой, крича: Ва-ва-ва-ва!

Почему я люблю веселящихся собак и не люблю (не выношу) веселящихся детей?!

Детское веселье – не звериное. Душа у животного – подарок, от ребенка (человека) я ее требую и, когда не получаю, ненавижу ребенка.

Люблю (выношу) зверя в ребенке, в прыжках, движениях, криках, но когда этот зверь переходит в область слова (что уже нелепо, ибо зверь бессловесен) – получается глупость, идиотизм, отвращение.

Зверь тем лучше человека, что никогда не вульгарен.

Когда Аля с детьми, она глупа, бездарна, бездушна, и я страдаю, чувствую отвращение, чуждость, никак не могу любить.

Мой сон – 9-го июня 1918 г. 1 ч. дня

Город на горе. Безумный ветер. Вот-вот дом сорвется, как уже сорвалось – сердце.

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Но знаю во сне, что дом не сорвется, потому что нужно, чтобы сон снился дольше.

– Просыпаюсь

В комнате – очень женственный мальчик лет 17-ти, в военном. Говорит мне „ты“, смеется. (Он художник, большевик). „Но я не знаю, кто Вы“. – „Неужели не узнаешь? Ну, подумай!“ – Я не угадываю. – „Я отец Жана“. – „Какого Жана?“ – „Такой новый человек. Жан“.

– Просыпаюсь –

В темной передней, у телефона. Я ему: „Но ведь телефон не звонит!“

– Просыпаюсь –

Бешеный автомобиль. Я и еще люди. Мчимся. Точное видение: слева – высоких холмов, сплошь покрытых красным осенним листом. Летим на огромное дерево (дуб). Разобьемся. – Мимо. – На холмах работают рабочие. Впереди – лужайка. Тропинки, отдельные огромные деревья. Я во сне думаю: выдумать я всего этого не могу, должно ббыть я это где-то, в детстве, видела. Должно быть во Фрейбурге (12 лет, сосновый лес).

– Просыпаюсь –

Мчимся. Кто-то догоняет. Не велосипед, не автомобиль. Оперезает. Возвращается. Хочу к нему. Хочу сказать шоферу, чтобы остановил автомобиль. Шофера нет. Останавливаю. На дороге – мой прежний мальчик. Вижу, что он стал меньше ростом, подымаю для поцелуя голову выше, чем следует, делаю вид, что тянусь к нему, зная, что от этого он станет выше. И вдруг замечаю на нем женское – белое с цветами – платье. Но все-таки хочу уйти с ним от других.

Просыпаюсь. От груди – огромная, горячая волна.

– Аля принесла цветы Лиле. Узнаю случайно. – С 10 ч. утра до 2-х ч. Аля обратилась ко мне всего один раз: „Мама, можно“ и т. д.

– Когда она с детьми, она определенно меня забывает. Только к вечеру, когда закат: „Марина! Какое красивое небо!“

Милый друг! Когда я не с вами, я не лицемерка. Защищая при Вас детей, я глубоко равнодушна к ним, когда я одна. Здесь четверо детей, и ни один из них до сих пор не знает, как меня зовут.

Когда в детстве (7 лет) я играла со взрослыми в карты и взятка была моя, я никогда не заявляла.

Так всю жизнь. Тогда от деликатности, сейчас от брезгливости.

„Взрослые не понимают детей“. Да, но как дети не понимают взрослых! И зачем они вместе?!

Сытый голодному не товарищ. Ребенок сыт, взрослый голоден.

Детство. 6 или 7 лет. Таруса. Рябина. Рубят котлеты. Хлыстовки. Ягоды приносят.

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

В детстве я всегда рвалась от детей к взрослым, 4-х лет от игр к книгам. Не любила – стеснялась и презирала – кукол. Единственная игра, которую я любила – aux barres, [5] 11 лет в Лозанне – за то, что две партии и героизм.

16-го июня 1918 г.

Антокольский о теософских, беатриченских, ясновидящих – непременно девических! – шеях:

„Такое впечатление, что они ее из лейки поливают“.

Антокольский о Никодиме: „Он – гётеянец. Т. е. – нет – я неверно сказал, я хочу сказать, что к нему по ночам является пудель или Mater Dolorosa[6]“.

– В Польше есть почетная должность сторожа могилы Костюшко.

4-го июля 1918 г.

Аля: – „Марина! Что такое – бездна?“

Я: – „Без дна“.

Аля: – „Значит, небо – единственная бездна, потому что только оно одно и есть без дна“.

– „Марина! Неужели ты все эти стихи написала? Мне даже не верится – так прекрасно!“

6-го июля 1918 г.

„– Марина! Мы с тобою в разряженных именах: Ариадна – Марина“.

Никодим (о подвиге):

– Самоуничтожение – такой же инстинкт, как самосохранение.

Разница между мной (ребенком) и Алей:

– У Али восторг к своему (своей породе в мире) перевешивает сильное отвращение к чужому.

У меня – наоборот. (Было и есть).

Аля (пропустив, по свойственной ей медлительности, шарманщика):

– Марина! Я не особенно жалею, когда пропускаю какую-нибудь радость, а когда горе – жалею. Я только одного горя бы не жалела: видеть черта.

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

---

Аля:

– „Марина! –

С какой стороны – страна старины?“ (в Кремле)

„Марина! Как старый лев лучше, чем старая женщина!“

Глядя в небо:

– „Марина! Как голубизна загребает белизну!“

– „Марина! Голова у меня тяжелая, как у памятника, только не на вес“.

17-го июля 1918 г.

Хаос, взятый на учет.

Беззащитность рукописи (я).

30-го июля 1918 г.

Аля: – „Марина! Если бы твое кресло не было мягкое, оно было бы настоящее жесткое кресло“.

Александр Македонский, разрубая Гордиев узел, просто груб.

Лунная ночь в городе всегда готична.

Саламандра не огненна, она – огнеупорна. Какой безумный холод, чтобы жить в огне!

31-го июля 1918 г.

– „Мама! Я не могу спать! У меня такие острые думы!

– Марина! Мне кажется – нет людей духа. Не духа, когда дышишь, а того, другого. Ты меня понимаешь?“

1-го августа 1918 г.

– „Где дыра, а сквозь дыру – синее небо, там – Италия“. (Никодим)

Аля: – „Марина! Когда ты пишешь – ты только водишь рукой, а пишет – душа“.

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Аля, о видении ангела: лицо неяркое, как луна, а глаза нарисованные, а внутри – точно простокваша.

„У меня горе тяжелое, как железо, как бомба“.

– Воспоминание: этим летом я как-то после купанья сидела на песке. Подошла огромная белая лохматая собака и села рядом. И вот, Надя: „Что-й-то, барыня, странно на вас глядеть: на одного-то слишком много надето, а у другого – чего-то не хватает“.

(Много шерсти у пса, отсутствие одежды – у меня.)

Два источника гениальности женщины: 1) её любовь к кому-нибудь (взаимная или нет – все равно). 2) чужая нелюбовь.

Бездарна женщина: когда не любит (никого), когда ее любит тот, кого она не любит.

Когда нет мужчин, я о них никогда не думаю, как будто их никогда и не было.

21-го августа 1918 г.

Еда иногда пахнет совсем не едой: приключением, грустью (запах кухни большого отеля).

Аля: – „Марина! я хотела бы написать книгу про все. Только я бы не хотела ее продавать, я бы хотела, чтобы она у нас осталась, чтобы ее могли читать только родные: душевно-родные и другие“...

Марина! А у тебя иногда дикие глаза: в них степи, ночь...

На днях разбился верхний свет в столовой. Стекла вдребезги, кирпичи, штукатурка, звон. Мы с Алей еле спаслись. Аля, в слезах: – „Марина! я жалею книги!“

– „Какие книги?“

– „Ведь дом рушится!“

– „Да! и если ты через 10 минут не будешь готова, я тебя не возьму ни гулять, ни в Кремль, и не дам тебе чаю!“

– „А я тогда буду жить как святые! и буду писать 8 страниц в день!“

(В реплике – ни самолюбия, ни сомнения, ни смирения – сразу сжилась.)

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
я – le contre – coup du fait.[7]

Мужчины и женщины мне – не равно близки, равно – чужды. Я так же могу сказать: „Вы, женщины“, как: „Вы, мужчины“. Говоря: „мы – женщины“, всегда немножко преувеличиваю, веселюсь, играю.

Июльское солнце я чувствую черным.

Аля, 27-го августа 1918 г., в кухне, за ужином – ко мне и Наде:

„Вы тут все про дворников говорите, а я думаю про свою серебряную страну“.

Из письма:

Нас делят, дружок, не вещи высокого порядка, а быт. Согласитесь, что не может быть одинаковое видение от жизни у человека, который весь день кружится среди кошелок, кухонных полотенец, просто народных лиц, вскипевшего или не вскипевшего молока и человека, в полном чистосердечии никогда не выдавшего сырой моркови.

Женщине, если она человек, мужчина нужен, как роскошь, – очень, очень иногда. Книжки, дом, забота о детях, радости от детей, одинокие прогулки, часы горечи, часы восторга, – что тут делать мужчине?

У женщины, вне мужчины, целых два моря: быт и собственная душа.

я абсолютно déclassée.[8] По внешнему виду – кто я? 6 ч. утра. Зеленое, в три пелерины, пальто, стянутое широченным нелакированным поясом (городских училищ). Темно-зеленая, самодельная, вроде клобука, шапочка, короткие волосы.

Из-под плаща-ноги в безобразных серых рыночных чулках и грубых, часто нечищенных (не успела!) башмаках. На лице – веселье.

Я не дворянка – (ни гонора, ни горечи) и не хозяйка (слишком веселюсь), я не простонародье (слишком пропуск) и не богема (страдаю от нечищенных башмаков, грубости их радуюсь, – будут носиться!)

Я действительно, абсолютно, до мозга костей, – вне сословия, профессии, ранга. – За царем – цари, за нищими – нищие, за мной – пустота.

– «Монах ребенка украл!»

(Возглас мальчишки на Казанском вокзале, видящего меня мчащуюся с Ириной на руках.)

Тяготение к мучительству. Срываю сердце на Але. Не могу любить сразу Ирину и Алю, для любви мне нужно одиночество. Аля, начинающая кричать прежде, чем я трону ее рукой, приводит меня в бешенство. Страх другого делает меня жестокой.

Из письма:

...Господи Боже мой, знайте одно: всегда, в любую минуту я о Вас думаю. Когда Вам захочется обо мне подумать, знайте, что Вы думаете в ответ.

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

...Это ныло у меня два года в душе, а теперь воет.

...Я же не одержима, моя одержимость тайная, никто в нес никогда не поверит.

...Люблю Вас и без сына, люблю Вас и без себя, люблю Вас и без Вас – спящего без снов! – просто за голову на подушке!

Леонид Канегиссер! Изнеженный женственный 19-тилетний юноша, – эстет, поэт, пушкинианец, томные глаза, миндалевидные почти.

(Таким Вы были в январе 1916 г. – мой первый приезд в Петербург!)

3-го – 4-го сентября 1918 г.

Некоторые люди относятся к внешнему миру с какой-то придирчивой внимательностью (дети, дальноркие – писатели типа Чехова и А. Н. Толстого).

С такими мне утомительно и скучно.

«И подарил он ей персидский халат, потому что стала она тогда уже часто прихварывать».

(Так мог бы кто-нибудь рассказывать о Настасье Филипповне. – Русская «*Dame aux Camélices*»[9]).

Октябрь. Из письма:

Пишу Вам это письмо с наслаждением, не доходящим, однако, до сладострастия, ибо сладострастие – умопомрачение, а я – вполне трезва.

я вас больше не люблю.

Ничего не случилось, – жизнь случилась. Я не думаю о Вас ни утром, просыпаясь, ни ночью, засыпая, ни на улице, ни под музыку, – никогда.

Если бы Вы полюбили другую женщину, я бы улыбнулась – с высокомерным умилением – и задумалась – с любопытством – о Вас и о ней.

я – aus dem Spiel.[10]

– Все, что я чувствую к Вам – легкое волнение от голоса, и то общее творческое волнение, как всегда в присутствии ума-партнера.

Ваше лицо мне по-прежнему нравится.

– Почему я Вас больше не люблю? Зная меня, Вы не ждете «не знаю».

Два года подряд я – мысленно – в душе своей – таскала Вас с собой по всем дорогам, залам, церквам, вагонам, я не расставалась с Вами ни на секунду, считала часы, ждала звонка, лежала, как мертвая, если звонка не было, всё, как все, и все-таки не всё, как все.

Вижу Ваше смуглое лицо над стаканом кофе – в кофейном и табачном дыму – Вы были как бархат, я говорю о голосе – и как сталь – говорю о словах – я любовалась Вами, я Вас очень любила.

Одно сравнение – причудливое, но вернейшее: Вы были для меня тем барабанным боем, поднимающим на ноги в полночь всех мальчишек города.

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru – Вы первый перестали любить меня. Если бы этого не случилось, я бы до сих пор Вас любила, ибо я люблю всегда до самой последней возможности.

Сначала Вы приходили в 4 часа, потом в 5 ч., потом в 6 ч., потом в восьмом, потом совсем перестали.

Вы не разлюбили меня (как отрезать). Вы просто перестали любить меня каждую минуту своей жизни, и я сделала то же, послушалась Вас, как всегда.

Вы первый забыли, кто я.

Пишу Вам без горечи – и без наслаждения. Вы без горечи – и без наслаждения, Вы все-таки лучший знаток во мне, чем кто-нибудь, я просто рассказываю Вам, как знатоку и ценителю – и я думаю, что Вы по старой привычке похвалите меня за точность чувствования и передачи.

(2-го октября 1918 г.)

Женщина, чуть-чуть улыбаясь, подает левую руку. – Любовь. Примета.

Аля: «Марина! Когда ты умрешь, я поставлю тебе памятник с надписью:

„Многих рыцарей – Дама“,

только это будет такими буквами, чтобы никто не мог прочесть. Только те, кто тебя любили».

– Последнее золото мира! –

(О деревьях в Александровском саду.)

Беззащитность рукописи.

«Перед смертью не надыхишься!» Это сказано обо мне.

14-го ноября,

в 11 ч. вечера – в мракобесной, тусклой, кишасей кастрюлями и тряпками столовой, на полу, в тигровой шубе, осыпая слезами собачий воротник – прощаюсь с Ириной.

Ирина, удивленно любясь на слезы, играет завитком моих волос. Аля рядом, как статуя восторженного горя.

Потом – поездка на санках. Я запряжена, Аля толкает сзади – темно – бубенцы звенят – боюсь автомобиля...

Аля говорит: – «Марина! Мне кажется, что все небо кружится. Я боюсь звезд!»

Из письма:

...Я написала Ваше имя и долго молчала. Лучше всего было бы закрыть глаза, и просто думать о Вас, но – я трезва! – Вы этого не узнаете, а я хочу, чтобы Вы знали. – (Знаю, что Вы все знаете!)

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Сегодня днем – легкий, легкий снег – подходя к своему дому, я остановилась и подняла голову. И подняв голову, ясно поняла, что подымаю ее навстречу Вашей чуть опущенной голове.

Мы еще будем стоять так, у моего подъезда, – нечаянно – в первый – в тысячу первый раз.

– Думайте обо мне что хотите (мое веселое отчаянье!). Но прошу Вас! – не валите всего этого на «безумное время».

У меня всегда безумное время.

Милый друг! Вчера вечером и в первый раз в жизни полюбила лифт. (Всегда панически и простонародно боялась, что застряну навек!)

Я подымалась – одна в пустой коробке – на каком-то этаже играла музыка, и все провалы лифта были наводнены ею. И я подумала:

Движущийся пол и музыка. Вся я. – И, задыхаясь от восторга, подумала: Музыка коварными когтями разворачивает грудь.

А через час я встретилась с Вами.

– Я знаю, что я вам необходима, иначе не были бы мне необходимы – Вы.

Аля:

Соленые волны моря
Хлынули мне в лицо.
Я царь всему этому берегу.
Уносит меня луна.

Алино письмо Сереже

(27-го ноября 1918 г.)

Милый папа! Я так медленно пишу, что прошу дописать Марину. Мне приятно писать Вам. Часто я Вас ищу глазами по комнате, ища Ваше живое лицо, но мне попадают только Ваши карточки, но и они иногда оживляются, потому что я так внимательно смотрю. Мне все кажется: из темного угла, где шарманка, выйдете Вы с Вашим приятным, тонким лицом. Меня слушает всякий шум: кран, автомобиль, человеческий голос. Мне все кажется – все выпрямляется, когда я смотрю. Милый папа, я Вас буду бесконечно долго вспоминать. Целая бездна памяти надо мной. Я очень люблю слово «бездна», мне кажется, есть люди, которые живут над бездной и не погибают в буре.

– Я в маминой комнате хожу в осеннем желтом пальто. Ваша жизнь, мой прекрасный папа, черная бездна небесная, с огромными звездами. Над Вашей головой – звезда Правды. Я кланяюсь Вам до самой низкой земли.

– Милый папа, раз мы вечером гуляли, я посмотрела на небо, все небо кружилось. Я очень испугалась и сказала это маме. Мама сказала, что небо действительно кружится. Мне стало еще страшнее. На улице никого и ничего не было, кроме нас. Только тусклые фонари. И мама мне сказала, что нужно, чтобы не бояться звезд – сделать их своими друзьями. И мы спокойно пошли дальше. И теперь я уже без страха. И, опираясь на мамину руку, я буду жить. Целую Вас от всей моей души и груди.

Аля.

Декабрь. В слове «боты» есть какая-то неизъяснимая (вполне изъяснимая) вульгарность.

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

---

– «Кому живется, а кому и ежится!» (Баба, рассыпавшая на улице чечевицу, за которой стояла 2 часа на морозе в очереди).

Аля: Марина! Я бы хотела построить дом для поэтов – чтобы камин пылал, кофе кипел, а они бы ничего не делали, – только писали стихи.

«Мне снился праздничный сон – многолюдный. Большая мужская толпа и мои глаза».
1919 год

Январь: Трагическое во мне в последнюю минуту искуплено легкомыслием.

Есть женщины, у которых, по чести, не было ни друзей, ни любовников: друзья слишком скоро становятся любовниками, любовники – друзьями.

Нет маленьких событий. Есть маленькие люди.

Вся тайна в том, чтобы события сегодняшнего дня рассказать так, как будто бы они были 100 лет назад, а то, что совершилось 100 лет назад, – как сегодня.

Любовь разложима, но не делима.

Любовь – параллельная линия к нашей с Вами прямой, проведенная на миллиметр расстояния.

Аристократизм: враг избытка. Всегда немного меньше, чем нужно.

Вечно Вы любовнику.

Клянусь Богом, что Вы меня ни капельки не любите, клянусь Богом, что я от этого люблю Вас гораздо меньше и люблюсь Вами гораздо больше, а так как это и Вам и мне дороже, чем любовь, продолжайте не любить меня – на здоровье!

Все, что у меня осталось свободы с Вами – это мой смех.

Вы меня не любите, а я Вам не доверяю. (Любовь).

Февраль: Никогда не уступаю желанию, всегда – причуде. От сильных своих желаний мне как-то оскорбительно, от причуды – весело. В желании я – раб, в причуде – царь.

Аля: «Мне кажется, я выйду замуж, шутя».

Рассказываю Бальмонту о потере голоса. «Вы знаете, меня должно быть Бог наказал за то, что я слишком много говорила. Целых две недели я ничего не могла говорить, кроме „И“. Ни „а“, ни „о“ – только „И“. И тогда я поняла, что это, наверное, какой-нибудь Иван, которого у меня еще никогда не было».

Бальмонт, молниеносно: – «Конечно: Иван-царевич!»

В двух словах об этом нашем с Алей визите к Бальмонту. В маленькой тесной кухне Бальмонт – «как царь под пледом» (выражение Нади), Анна Николаевна, Татьяна Алексеевна, Мирра, Аля, я. У плиты – обезумев от жары и от того, что все сразу вскипело (знакомая трагедия!), Елена. В доме, очевидно, до сегодняшнего дня ничего не было, а теперь вдруг все стало: пекут блины, варят картошку, варят кашу, варят суп из телятины. И угощают, угощают, угощают. Бальмонт ест восторженно, Аля – истово. Мирра – причудливо. Я, случайно совершенно сытая, присутствую у стола в шубе, пью только кофе, любясь классицизмом всей этой сцены.

Бальмонт восклицает: «Ах, я бы с таким удовольствием съел всю эту телятину один! И никому бы не дал».

И смеется, потому что, как я, понимает классицизм, для Москвы 1919 года, этого возгласа.

– «Нюшенька, вы наслаждаетесь?»

– «Я знала, что вы меня спросите!»

Мирра влюбленно заботится об Але, кормит ее со своей тарелки, все наперерыв уговаривают меня есть. А я, счастливая тем, что так чистосердечно ничего не хочу, что все нас тут так любят, что всем нам сейчас так хорошо, а завтра будет так плохо – курю папиросу за папиросой, не зная, что это – дым ли я выделяю или вдохновение.

Буржуазии для очистки снега запретили пользоваться лошадиными силами. Тогда буржуазия, недолго думая, наняла себе верблюда.

И верблюд возил. И солдаты сочувственно смеялись: «Молодцы! Ловко обошли декрет!»

(Собственными глазами видела на Арбате.)

Аля – Канун Весны – о Завадском: «Марина! У меня часто впечатление, что он не ушел, а исчез».

– «Марина! Вы сон – который снится всем».

– «Марина! Я видела сон весь из линеек и славянских букв, – целая наша кухня – огромные листы. Но нигде не было написано: Марина, мама, а везде: Женщина, Женщина».

– «Марина! Есть вещи, которые кажутся очень, очень трудными. А найти такие слова – и совсем просто».

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– «В каждом человеке эта нитка тоски»...

9-го марта 1919 г.

Я: – «Аля! Что делают старухи в богадельне?» – Аля, не задумываясь: «Прядут Судьбу».

Вчера, возвращаясь домой по Арбату, было так темно, что мне казалось: я иду по звездам.

Я – бродячая собака. Я в каждую секунду своей жизни готова идти за каждым.
Мой хозяин – все – и никто.

Аля, 12-го марта 1919 г.

– «Марина! Может быть небо все из голубых глаз?»

– «И снится мне, будто весь пол в моей комнате – совсем круглый, выпуклый. Я точно предчувствовала, что придет ко мне кто-то Великий. Я привела свою комнату в довольно хороший вид, и в эту минуту послышался стук в дверь, и дверь сама открылась. Вошел Спаситель. Я молчала. Он сел на стул и грустно смотрел на меня. Я стояла и не хотела садиться и закрыла лицо руками. Моя комната, как только взошел Спаситель, наполнилась коралловыми крестами, перламутровыми мечами и распятиями. – Сон не прерывается, но я вижу, как Христа ведут на распятие в Терновом венце. (В „Терновом венце“ с большой буквы.) Тогда я пошла в свою комнату и достала коралловый крест и перламутровый меч. Я пошла за ним. Он исчез. Но враги Его еще шли, ища его. И я перед собой в окне увидела реку».

Иду за Алиным обедом. Мороз. Руки без варежек. В левой руке муфта, прижатая к груди. Мне необычайно приятно нести ее так. Узнай этот жест, он у меня в руке. – Ах! Так в XVIII веке держали, входя в гостиную, треуголку.

14-го марта 1919 г.

Опыт этой зимы: я никому на свете, кроме Али и Сережи (если он жив), не нужна.

В каком году я жила!

Я прекрасно представляю себе, что в один прекрасный день совсем перестану писать стихи. Причин множество:

1) У меня сейчас в них (в писании их) – срочной необходимости (Imperativ'a) нет. Могу написать и не написать, следовательно не пишу.

2) Стихи, как всякое творчество-самоутверждение. Самоутверждение – счастье. Я сейчас бесконечно далека от самоутверждения.

3) Сейчас все летит, и мои тетрадки так бесконечно легко могут полететь. Зачем записывать?

4) Я потеряла руль. Одна волна смывает другую. Пример: стихи об ангелах: «Ангелы слепы и глухи». Что дальше? – Всё!

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Хаос. Один образ вытесняет другой, случайность рифмы заводит меня на 1000 верст от того, что я хотела раньше, – уже другие стихи о них та же история, – уже третьи – и в итоге – чистый лист и мои закрытые – от всего! – глаза.

---

5) что хочу сказать? – Мир. – Мир сам себя скажет.

Могу писать только по команде. Пример: единственные – за последние 3 месяца – настоящие стихи: Стаховичу.

(Любовный долг).

Спасти меня сейчас может только новая любовь, со всем пафосом самоуничтожения в другом. Но это должен быть человек, который сможет вместить меня, т. е. бездна.

Я, конечно, кончу самоубийством, ибо мое желание любви – желание смерти. Это гораздо сложнее, чем «хочу» и «не хочу».

И может быть я умру не оттого, что здесь плохо, а оттого, что «там хорошо».

Есть во мне что-то, что вопреки всем моим уверениям, всему моему явному уничтожению в другом и вразрез со всем беспримерным людским тщеславием, заставляет говорить всех, кого я любила:

– «Вы не меня любите. Вы любите что-то другое».

16-го марта 1919 г.

Странное чувство: в горе я не погружаюсь, горе во мне работает, роет какие-то подземные ходы.

В конце концов мне придется поверить в бессмертие души!

Мне, чтобы жить – надо любить, т. е. быть вместе. Значит: или умереть (быть со Стаховичем), или любить другого. Князь Волконский! Вы совсем не знаете, что я Вас уже люблю.

Только одно – ради Бога! – пусть я Вам буду нужна, мне больше ничего не нужно.

Для памяти: 16-го марта утром, когда таяло, я, любя Стаховича, решила, чтобы не умереть, любить Волконского. Они жили вместе и на нем – каков бы он ни был – должен быть какой-то отблеск Стаховича.

Моя любовь – это страстное материнство, не имеющее никакого отношения к детям.

Жесточайший эгоизм: не желать брать. Его у меня нету. Я чаще всего не умею брать, потому что люди – чаще всего – не умеют давать.

Бывает так, что беру сама, и этим освобождаю и себя и другого.

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

---

Мое требование – всегда просьба, моя просьба – всегда требование.

Не могу – хоть убейте – чтобы человек думал, что мне что-нибудь от него нужно.

Мне каждый нужен, ибо я ненасытна. Но другие, чаще всего, даже не голодны, отсюда это вечно-напряженное внимание: нужна ли я?

Стахович умер как раз от того, от чего сейчас так мучусь (хочу умереть) – я: от того, что я никому не нужна.

Никто не поймет бездны, которую разверзает во мне это соответствие.

Чувствую, что не смогу любить Волконского.

О биографии Лозэна: биографию Лозэна должны были бы писать женщины. Мужчинам он и в гробу не дает покоя.

Только мужчинам может прийти в голову такая бестактность: оправдывать, выгораживать Марию-Антуанэту в истории с Лозэном.

Для королевы – предлагать свою любовь, такой же восхитительный жест, такая же доблесть, как для нищенки – отвергать миллионы.

Я думаю, что каждый, кто пишет биографию Лозэна, вместо Марии-Антуанэтты подставляет свою невесту – и так пишет.

– Лозэн и Мария-Антуанэтта, – какая прекрасная – в веках – пара! Для меня это лучше, чем Данте и Беатриче.

Женщины любят не мужчин, а Любовь, мужчины – не Любовь, а женщин. Женщины никогда не изменяют. Мужчины – всегда.

19-го марта 1919 г.

Три определения: Для других собственная душа наверное также туманна и неопределенна, как для меня, близорукой, моя собственная Поварская, в 2 ч. ночи, когда нет фонарей.

Ответ человека «не знаю», когда дело касается его собственной души, также поражает меня, как других мое вечное «не вижу» – (близорукость).

Если бы я каким-нибудь чудом очутилась на секундочку в чужой грудной клетке, я бы, наверное, почувствовала такой же ужас от всей этой путаницы, туманности, неразграниченности чувств и понятий, как другой, если бы взглянул на мир моими близорукими глазами.

Москва сейчас смотрит на трамваи с недоверием, как на воскресшего Лазаря.

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Мне не дано возбуждать в людях жалость. Элементарный пример: иду в 11 ч. дня по Поварской с переполненной кошелкой в руках. – «Цвету, как роза».

(Со вчерашнего дня во рту – ничего, кроме стакана поддельного чая, не было. В кошелке – старые сапоги, которые несусь продавать.)

Как одинок человек всю жизнь! В детстве мать, которая вечером, когда ее безумнее всего любишь, – уезжает в концерт...

Пока вся Москва 1919 г. несла снежную повинность, я несла – нежную.

Иду по Николопесковскому.

– Зайти к Бальмонтам? – И сразу видение самой себя, – смеющейся, курящей, курящей, курящейся, – над стаканом чая, который не пью, потому что без сахара – скучно, а с сахаром – совести не хватает, ибо кусок сахара сейчас 4 рубля – и все это знают.

И от этого видения – почти физическая тошнота.

Мое веселье скорей удивляет, чем очаровывает. – «С чего это она?»

Дуракам мое веселье подозрительно: смеюсь, как дура, а через секунду – китайская грамота какого-нибудь рассуждения об аристократизме.

В. Гюго. «Общие места». – Да, если солнце – общее место.

К маленьким поэтам: Для того, чтобы воспевать японские вазы или край ноготка Вашей возлюбленной – достаточно казаться.

Чтобы говорить о Боге, о солнце, о любви – нужно быть.

Стиль есть бытие: не мочь иначе.

21-го марта 1919 г.

Почему я так глубоко беспомощна во всем, что другим так легко? – найти чей-нибудь дом, взять билет на вокзале, выкроить по готовой выкройке – детскую рубашечку.

Определенная атрофия какой-то части мозга. О, как я издали чую то, чего не могу, и какой у меня тогда кроткий – от неизбежности – голос!

Душа у меня – царь, тело – раб.

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Бог, давший мне широкие плечи и крепкие руки, знал, что он делал. Но Бог, давший мне при этом такую душу – определенно не знал.

Аля: Марина! Когда у нас совсем нечего будет есть – даже гнилой картошки – я сделаю чудо. Я теперь его не делаю, потому что раз мы едим гнилую картошку – значит, ее можно есть?

– «Марина, я только представляюсь маленькой девочкой, я только представляюсь, что я труслива, что я ленива, что я не хочу есть.

Я – существо, Марина! Я знаю все вперед – и все назад».

«Марина! Ведь Вы тоже не простой человек!»

– «Ты думаешь?»

– «Неужели Вы этого до сих пор не знали? Как же Вы можете быть простым человеком, когда у Вас – такая дочь?!»

Заставить изображение Спасителя портретом Наполеона (глаза, как угли – в золоте киота!). Вот мои 16 лет. (Внучка священника Владимирской губернии!)

Я во Франции XX века – бессмысленно. Все мои партнеры (указывая на небо или в землю): – там.

Революция в Венгрии: Будапешт. Демонстрация кельнеров с цыганским оркестром.

Благовещенье 1919 г.

У телефона: – Я слушаю. Мужской голос: – Попросите, пожалуйста, Марину Ивановну. – Это я. – Ах, это Вы, Марина Ивановна? Я не узнал Вашего голоса. Говорит К. В. Кавдауров. – Здравствуйте, Константин Васильевич. – Марина Ивановна, я получил известие из Крыма и должен Вам сказать, что Сережа.. – Убит, – мысленно подсказываю я. – Жив и здоров и просил Вам кланяться.

Минут пять спустя начинаю плакать. – Точное чувство до краев переполненных глаз, – слезы еще не текут. Колени дрожат. Чувство легкой физической тошноты.

Благовещенье! Благая весть! Недаром это мой любимый праздник! Я ровно 6 месяцев ничего не знала о Сереже!

У меня есть судьба. Поэтому – быть может – я так – дотла – лишена честолюбия.

Вижу ее ясно, как на географической карте. Если бы я была на острове, у меня тоже была бы судьба.

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
я в любви: Гибкость до последнего предела, и – в последнюю минуту – отпор.
(Гордыня).

Завадский: – «Марина Ивановна, я хочу прийти к Вам. Можно?»

я: – «Нельзя. У меня дверь заперлась и не открывается».

Антокольский: – «А помните, что Вы говорили про красоту? Помните: красота – отмычка».

Завадский, деловито: – Нужно будет прийти.

Два несчастных счастья:

1) Несчастье для души и счастье для тела: – Брать в долг. 2) Счастье для души и несчастье для тела: – Отдавать долг.

Аля, ночью: –...и небо было, как черный пурпур.

Апрель. Трагическая вербная Суббота. Потеряла (в воду канули!) 500 рублей.
Спрятала – вместо них – две ложечки сахара в конверте. – 500 рублей! 50 фунтов
картофеля – или почти башмаки – или калоши +20 фунтов картофеля – или...

Потеряла за три дня 1) старинную овальную флорентийскую брошку (сожгла), 2)
башмаки (сожгла), 3) ключ от комнаты, 4) ключ от книжного шкафа, 5) 500 рублей.

О, это настоящее горе, настоящая тоска! Но горе – тупое, как молоток бьющее по
голове.

Я одну секунду было совершенно серьезно – с надеждой – поглядела на крюк в
столовой.

– Как просто! –

Я испытывала самый настоящий соблазн.

У некоторых людей тело более духовно, чем у других душа (Аля, Сережа).

Аля, слушая «Пара гнедых»: – «Марина! стыдно генералу засыпать на груди у
молодой блудницы. Лучше бы сражаться в бою».

История с Волконским

«Князь Волконский! Я пишу слово князь и чувствую себя в восторге» – вот начало
моего письма к Волконскому. Дальше ласковый и веселый рассказ о том, как я уже
однажды стояла у ворот с письмом, но встретила Мчеделова и ушла с ним по
мартовским московским лужам 1919 года, так и не узнав про старинную Англию.
(Повод к моему письму. Что это просто любовь – я написать не решилась!) – Еще
такая фраза: «Я Вас никогда не видала и ничего о Вас не знаю, кроме того 1) что
Вы были на острове Мадере, 2) влюблены в родительный падеж, 3) только что
выздоровели от сыпного тифа. – Три разных источника». – Дальше извинение за то,
что я, будучи незнакома, пишу, и надежда, что он не сочтет это за
невоспитанность. Еще пожелание выздоровления. И привет. И все. – Письмо на мой,
и на моей породы людей – взгляд: простое, доверчивое, ласковое, очаровательное,

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru на средний взгляд: странное. Можно, дурно относясь ко мне, назвать его экстравагантным. «Так незнакомым людям не пишут».

Экзаменуя себя строго: письмо вольное, но не фамильярное. Мне даже унинительно писать это слово.

И вот, на другой день, в воскресенье, – звонок по телефону.

– Мне нужно такую-то.

– Я.

– Говорит Волконский. Вы ко мне писали. Я ничего не понял из Вашего письма. Что Вам от меня нужно?

– Не поняли почерка или содержания?

– Содержания.

– Я просила Вас дать мне некоторые сведения о старинной Англии.

– Я старый человек и считаю такие шутки неуместными. («Я пишу слово князь и в восторге»). Это наглость!

– Вы меня не поняли.

– И как старый человек считаю долгом сказать Вам, что незнакомым людям не пишут. Это невоспитанность.

– Я очень жалею, что...

– Я был в Англии 25 лет назад, три дня. Какая наглость!

– Если Вы так сердитесь, то лучше давайте прекратим разговор.

– Я не сержусь, но должен Вам сказать, что это нахальство. И советую Вам в другой раз так не шутить, потому что такие шутки могут очень плохо кончиться. – Это неслышанно!

– Мне остается только пожалеть, что Вы меня не поняли. Опускаю трубку. Все время говорила нежнейшим голосом, очень спокойно. Он лаял.

На глазах слезы и чувство, что посреди лица – плевок.

В течение недели я всем рассказывала эту историю. Защищали меня:

Мчеделов, его собственная племянница Сонечка Голлидэй. У него на все была одна реплика: «Она издевалась». Мчеделов после разговора с ним сказал: «Дурак».

А Бальмонт, которому я рассказала всю эту историю, спокойно сказал: «Так говорить с женщиной? Это орангутанг».

Но что бы ни говорили все мои друзья, у меня все-таки – когда я вспоминаю этот разговор – чувство, что я незаслуженно и безвозвратно оплевана.

Страстной Четверг: «– Ах, Аля, – грустно! – Повеситься? – Нет, Марина. (Пауза.) Повеситься – на Жизнь!»

(На улице): – «Марина! Эта женщина думает только о роскошестве. Она беззаботна. Она бессмысленна».

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Бальмонт и солдаты у автомобиля.

Бальмонт ночью проходит по какому-то из арбатских переулков. Сломанный автомобиль. Вокруг – трое солдат.

– Повинуясь какому-то внутреннему голосу, перехожу было на другую сторону, но в последнюю минуту – конечно – остаюсь. И в ту же секунду один из них: «Эй, поп!» Тогда я подхожу к ним вплоть. – «Я действительно священник и скажу вам следующее: – ты (указывая на одного) скоро умрешь от сыпного тифа, тебя (указывая на другого) – повесят, а ты уцелеешь, тебе ничего не будет».

– Почему же Вы пощадили третьего?

– Чтобы он помешал двум первым разорвать меня.

(Все это с бальмонтовской четкостью, быстротой, экспрессией.)

Разговор с В. Алексеевым: Я: – «Володечка, Вы читали эти надписи: „Митинг Искусств“».

Он, спокойно: – «Да, это нечто вроде „Кадрили литературы“». (Бесы).

Аля: – «Марина! Мне кажется, когда мы говорим, люди нас не понимают, – как зверей».

Страстная суббота: Аля, глядя на освещенную церковь Бориса и Глеба: «Марина! Тайная радость церквей».

– «Марина! Я хочу играть в театре не для того, чтобы на меня смотрел народ, а для того, чтобы увидеть себя в чуждом».

Диалог: Я: «Ах, Аля, как я хотела бы сейчас фунт масла!» Аля: «Ах, Марина, как я бы хотела сейчас, чтобы была хорошая погода!»

– «Марина! я не люблю слово „фраза“, это вроде „актриса“!»

– «Марина! Мне кажется, что я должна это держать шелковыми руками!»

(Держа в руках Лермонтова)

«Я не терплю – счастья!»

– «Как мне горько, что я дитя! Мне почему-то жалко и чуть-чуть восторженно. Но я бы ничего не хотела, кроме детства. Я не хочу 11-ти и 12-ти лет».

Глядя в окно. Чудная погода. Солнце. – «Хорошо в такую погоду быть нищим».

«Марина! Как Вы думаете, что такое храбрость?» Когда человек боится и все-таки идет. «Значит: темная ночь со звездами».

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Целуя луч: – «Луч наконец получил то, за чем лился в комнату».

Вчера я видела Стеньку Разина на Лобном месте. Впечатление случайной талантливости (так рука пошла) – как кустарные игрушки в детские рисунки. Лицо хитрое, узкое, ярко блестящие черные глаза. По обеим сторонам – болваны: огромные каторжные головы, вырастающие из дерева: там три, здесь четыре. Ватага. По левую сторону от Разина – в ногах – персияночка: балерина из кордебалета с огромным декольте и юбочкой до колен. Похоже еще на сахарную куклу. Между фигурами Разина и персияночки никакой связи, ни внешней, ни внутренней.

21-го апреля, день Егория Храброго.

– «Марина! Мне кажется, что на дне каждого колодца непременно должно быть что-нибудь синее».

На могиле у Стаховича:

Аля, восторженно: – «Мама! что я нашла! Оно не целое, – только кусочек, но все равно я положу его на могилу!»

В руках – яичная скорлупа. Сама того не зная, повторяет какой-то древний обряд, когда на могилу приносили яйца.

лето 1919

Я стала писать пьесы – это пришло как неизбежность, – просто голос перерос стихи, слишком много воздуха в груди стало для флейты...

Пишу, действительно, себя не щадя, не помня.

май 1920

Перечитываю сейчас «Quatre-vingt-treize».[11] Великолепно. Утомительно. Сплошное напряжение. Титаническое, как весь Нюго. Это перо стихии выбрали глашатаем. Сплошные вершины. Каждая строка – формула. Все мироздание. Все законы – божеские и человеческие. Безошибочность утомляет. Есть тончайшие различия:

Он думал, что он непогрешим,

Он был – только безошибочен.

Из каждой страницы бы вышла книга. Пристрастие к очертанию (архитектурность, может быть).

Да. – Нет. – Черное. – Белое. – Добродетель. – Порок. – Моряк. – Воин. – Девушка. – Старик. – Дитя. – Роялист. – Республиканец.

Великолепие общих мест. Мир точно только что создан. Каждый грех – первый. Роза всегда благоухает. Нищий – совсем нищий. Девушка – всегда невинна. Старик – всегда мудр. В кабаке – всегда пьянствуют. Собака не может не умереть на могиле хозяина.

Таков Нюго. Никаких неожиданностей.

Нюго видит в мире только правильное, совершенное, до крайности выявленное, но не индивидуально-выявленное...

...Жизнь всегда перехитрит Творца.

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Жизнь всегда перехитрит Нуго.

Никто так не видал общего в отдельном, закона – в случайном, единого – во всем.

Мать – Колокольня – Океан – Полицейский – все в порядке вещей и в таком Порядке, что даже я не восстаю!

Но почему: такое отсутствие во мне тяготения к Нуго-человеку? – Все равно, что ел, что пил, как одевался, кого любил...

Творец исчез за творением.

Июнь 1920

Скульптор зависит от мрамора, резца и т. д.

Художник – от холста, красок, кисти – хотя бы белой стены и куска угля!

Музыкант – от струн...

Скульптор может ваять незримые статуи – от этого их другие не увидят.

Художник может писать невидимые картины – кто их увидит, кроме него?

Музыкант может играть на гладильной доске – но как узнать: Бетховена или Коробушку?

У ваятеля может остановиться рука (резец).

У художника может остановиться рука (кисть).

У музыканта может остановиться рука (смычок).

У поэта может остановиться только сердце.

Кроме того: поэт видит неизваянную статую, ненаписанную картину, слышит неигранную музыку.

После вечера у ...[12]

28-го русского ноября 1920 г.

То, что я чувствую сейчас – жизнь, т. е. – живая боль. И то, что я чувствовала два часа назад, на Арбате, когда Вы – так неожиданно для меня, что я не сразу поняла! – сказали: – «А знаете, куда мы поедим после Москвы?» И описание Гренобля – нежный воздух Дофин: недалеко от Ниццы – библиотека – монастырь – давно мечтали.

Дружочек, это было невеликодушно! Лежачего – а кто так кротко лежит, как я! – не бьют.

Понимали ли Вы, что делали – или нет?

Если нет, так расскажу: рядом с Вами идет живой человек, уничтоженный в Вас, – женщина – (второе место, но участвует) – и Вы, в спокойном повествовательном тоне вводите ее в свою будущую Жизнь – о, какую стойкую и крепкую! – где ей нет места, где и тень ее не проляжет.

А если нарочно (убеждена, что нечаянно!) – это дурной поступок, ибо я безропотна. Вы – для меня растравление каждого часа, у меня минуты спокойной нет. Вот сегодня радовалась валенкам, но – глупо! – раз Вы им не завидуете.

– Хороша укротительница?

Мне кажется, я могла бы так жить – месяцы!

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Только бы знать, что Вы в Москве, ходите по тем же улицам – счастливы! – Я так сильно в Вас, что как-то могла бы – без Вас, – только знать бы, что Вы изредка обо мне думаете и что однажды, подумав сильнее, придете.

Но довольно об этом! (Как страшно, что вот строки, пронизанные ужасом разлуки. Вы уже будете читать по совершении ее, – как страшно для меня!)

– Халат устроен, старуха уломана. – Молодец я?! Но я так просила, у меня был такой убедительный голос, что и каменная баба не отказала бы!

Так – клянусь Богом – умирающий просит воды.

Ваш халат будет шиться в подвале – аристократическими руками – вата с моей шубы – подкладка с моего платья – сам он, халат – из Туркестана, украден в прошлом году моими руками в одном доме, где со мной плохо обращались.

– Родословная! –

О С. М. Волконском

1921 год

Вы сделали доброе дело: показали мне человека на высокий лад...

Немудрено в Дневнике Гонкуров дать живых Гонкуров, в Исповеди Руссо – живого Руссо, но ведь Вы даете себя – вопреки... О искус всего обратного мне! Искус преграды (барьера). Раскрываю книгу: Театр (чужд). Танец (обхожусь без – и как!), Балет (условно – люблю, и как раз Вы – не любите)... Но книгу, которую я от Вас хочу, – Вы ее не напишете. Ее мог бы написать только кто-нибудь из Ваших учеников, при котором Вы бы думали вслух. Гёте бы сам не написал Эккермана...

Ведь это тот самый Волконский, внук того Волконского, и сразу 1821–1921 гг. – и холод вдоль всего хребта: судьба деда – судьба внука:

Рок, тяготеющий над Родом...

Когда князь занимается винными подвалами и лошадьми – прекрасно, ибо освящено традицией, если бы князь просто стал за прилавок – прекрасно меньше, но зато более радостно... но – художественное творчество, то есть второе (нет, первое!) величие, второе княжество...

Его жизнь, как я ее вижу, – да, впрочем, его же слово о себе: «История моей жизни? Да мне искренно кажется, что у меня ее совсем не было, что она только начинается – начнется, – Вы любите свое детство? – Не очень. Я вообще каждый свой день люблю больше предыдущего... Не знаю, когда это кончится... Этим, должно быть, объясняется моя молодость».

Учитель чего? – Жизни. Прекрасный бы учитель, если бы ему нужны были ученики. Вернее: читает систему Волконского («хонского», как он произносит, уясняя Волхонку) – когда мог читать – Жизнь!

«Сергей Михайлович! Ваш отец застал февральскую революцию?» – «Нет, только Государственную Думу. (Пауза.) Но с меня и этого было достаточно!»

---

30 августа 1921 г.

Смерть Блока. Еще ничего не понимаю и долго не буду понимать. Думаю: смерти никто не понимает...

Удивительно не то, что он умер, а то, что он жил. Мало земных примет, мало платья. Он как-то сразу стал ликом, заживо-посмертным (в нашей любви). Ничего не оборвалось, – отделилось. Весь он – такое явное торжество духа, такой – воочию –

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
дух, что удивительно, как жизнь – вообще – допустила...

Смерть Блока я чувствую как вознесение.

Человеческую боль свою глотаю. Для него она кончена, не будем и мы думать о ней (отождествлять его с ней). Не хочу его в гробу, хочу его в зорях.

1921 год

Не потому сейчас нет Данте, Ариоста, Гёте, что дар словесный меньше – нет: есть мастера слова – большие. Не те были мастера дела, те жили свою жизнь, а эти жизнью сделали писание стихов. Оттого так – над всеми – Блок. Больше, чем поэт: человек.

О Боже ты мой, как объяснить, что поэт – прежде всего – СТРОЙ ДУШИ!

Встреча с поэтом (книгой) для меня благодать, ниспосланная свыше. Иначе не читаю.

Мое непреодолимое отвращение к некоторым своим стихам – прекрасным, знаю, но из мутных источников. Будущим до этого не будет дела, а мне дело – только до будущих.

Не надо работать над стихами, надо, чтобы стих над тобой (в тебе!) работал.

1921 год

Чего искала Марина Мнишек?.. Власти несомненно, но – какой? Законной или незаконной? Если первой – она героиня по недоразумению, недостойна своей сказочной судьбы. При мне бы ей родиться какой-нибудь кронпринцессой или боярышней и просто выйти замуж за какого-нибудь русского царя. С грустью думаю, что искала она первой, но если бы я писала ее историю...

...то написала бы себя, то есть не честолюбницу и не любовницу: себя – любящую и себя – мать. А скорее всего: себя поэта.

1921 год

Всё раньше всех: Революцией увлекалась 13-ти лет, Бальмонту подражала 14-ти лет, – и теперь, 29-ти лет... окончательно распростилась с молодостью.

Для меня стихи – дом, «хочу домой» с чужого праздника... Желая польстить царю, мы отмечаем человеческое в нем – дарование, свойство характера, удачное слово, то есть духовное, то есть наше.

Желая польстить нам, цари хвалят: чашку, из которой мы их угощаем, копеечного петуха в руках нашего ребенка, то есть вещественное, то есть их, то, чем они так сверх-богаты... Каждый до неба превозносит в другом – свое, данное тому в размерах булавочной головки.

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Театр не благоприятен для Поэта, и Поэт не благоприятен для Театра. Памятуя это слово этого поэта из поэтов – Гейне – ни одной секунды не прельщена лицемерием своего Казановы на сцене.

Если же это бы, паче чаяния, случилось, умоляю гг. актера и актрису помнить о том, что Казанова уже действительно расстался, а Франциска еще действительно не рассталась со своей последней куклой.

Есть особая порода снов, я бы сказала – максимум дозволенной во сне – жизни... Не сон о человеке, а сам он... От сна – только закрытые глаза. Есть и другое – отвесный полет вниз (непрерывность падения). Падаешь – и не кончаешь, и знаешь, что не кончишь, не до-упадешь – и поселяешься в падении... Особенность и отличие: мне не снится, что я лечу: я – лечу! Сон – предлог, я бы сказала – законный предлог, не больше... Я не сновидящий, у меня – зоркий сон. И сны так вижу – всеми пятью чувствами.

1923 год

Магдалина, когда раскаялась, была хороша и молода. Когда мы говорим: Магдалина, мы видим ее рыжие волосы над молодыми слезами. Старость и плачет скупю.

Мария Магдалина принесла Христу в дар свою молодость, – женскую молодость, со всем, что в ней бьющегося, льющегося, рвущегося.

1923 г.

Весну этого года я увидела черной, в темноте, скорей услышала, чем увидела, – в шуме разливающегося ключа, поздно вечером, когда уже ничего не видно... Шум надувающихся и проносящихся ручьев. – Этого слова я искала вчера, проходя темным вечером по деревне. Черный остов церкви, запах березового лыка (размоченных ливнями плетней), под ногами вязь, грязь, – и справа и слева, вдогон и в обгон – шум надувающихся, торопящихся, проносящихся ручьев...

Февраль 1923 г.

Хочу написать ОКНО (за кисеей)... Окно: синь. Просвет в горе. Раскрываю окно: гора. Или облако?

1924 год

Бессмысленно повторять (давать вторично) – вещь, уже сущую. Описывать мост, на котором стоишь. Сам стань мостом, или пусть мост станет тобою – отождествись или отождестви. Всегда – иносказки.

1924 г.

Мой сон – не отдых, а действие, действие, которого я – и зритель, и участник...

Октябрь 1924 г.

Проза Бориса Пастернака утомительна. Есть два рода утомления: то, которое вы испытываете после целого тома мелких рассказов Чехова (или Джерома, или Аверченки, – Твена, пожалуй, нет) или от полуторачасового пребывания с человеком, который вас занимал или которого вы занимали, – и утомление от непрерывной формулы.

От пустоты и от полноты.

Первое утомление – утомление растраты (без восполнения), бездеятельности, безучастности, бесплодия. Вас обокрали и ошельмовали. Вы смеялись – и ничего не осталось.

Утомление второго рода – утомление от непрерывности прихода: так рыбаки устают в удачные дни. С вас на протяжении какого-то срока непрерывно требовали – всего вас. Утомление общности – сподвижничества – соперничества. Вы – лицо действующее. От вас все зависит (весь улов).

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Утомление сложенных рук (даже «tourner les pouces»[13]) и напряженных мускулов.

После первого (чтения Чехова например – гору сбросил, которую на тебя навалили, море изверг (чужой пустоты) – которое в тебя влили.

После второго – гору сдвинул, море осушил.

Первое – истощает, второе – обогащает.

И еще: обратность процессов и следствий. Читая Чехова или беседа с знакомым, вы (именно вы, я от Чехова томилась с детства) и не подозреваете о своей усталости. Только когда захлопнули книгу или дверь за выходящим – вы изумленно восклицаете: – Боже, до чего я устал!

(Чтение Чехова – вязание в воздухе, без результата – восполнения – связанной полосы.) Напряжение растраты неосознанно, и утомление подкрадывается яко тать в ночи. Процесс растраты – усладителен, завершение его – опустошительно. Душа точно мстит за то, что человек часами мог обходиться без нее. (Расплата за каждое развлечение: расплата за растрату на ничтожное). И – о странность! – выпитое море превращается в ощущение: выпит! (в твою собственную выпитость). Полная параллель и даже тождество с опьянением алкоголем.

С прозой Пастернака (как всякого большого мастера, – нет. Чехов тоже был мастер! – как всякого большого духа) – обратное.

Читал – точно об стену бился, чуть ли не бульжник на мостовой колол, кончил – огромный прилив силы. Отданное – вернулось. Так Пастернак чувствует – закончив Урал.

Посему книги Пастернака (может быть самого дионисического из моих современников) никогда не сравню с вином, а прозу Чехова или иных бытовиков, – именно с вином, с развратом вина, сравню.

Вдохновение.

Есть священный инстинкт – и в этом меня подтвердит каждый пишущий – оберегающий нас от доверия к слишком легко давшемуся. Стихотворение, написанное в 10 минут, всегда подозрительно.

Тот же священный инстинкт оберегает и настоящего читателя от доверия к слишком легко в него льющемуся.

Радость добычи – почему это торжество мужского сознания не распространяется и на книгу (душу другого), ограничивается областью дел (чаще «дел») и любви?! Все в мире сем надо завоевывать – т. е. за все платить собой – друга как женщину и книгу как друга. Готового нет. Есть, но неизбежно второй и третий сорт.

Богов из глыбы высекают и несколько веков спустя тем же усилием мышц из земли выкапывают.

Борис Пастернак поэт, как прозаик, прежде всего нуждается в сподвижничестве. Рука, ищущая встречной (а скорей даже – «coup de main»![14] 1933 г.). За непосильное берусь – помоги же! Сезам, откройся, чтобы я со всеми своими сокровищами – за твоими сокровищами в тебя вошел.

Борис Пастернак осуществлен только в настоящем читателе, т. е. Борис Пастернак один – умысел, Борис Пастернак + идеальный читатель – умысел + действие, т. е. полный поступок: свершение. Борис Пастернак свершается не в напечатанном количестве страниц, как Бунин например, хотящий только одного: любуйся! – Борис Пастернак свершается только в читателе. Он не данное, а даваемое. Не сотворенное, а творимое: рожаемое. Весь он – самый акт дачи.

И в силу именно этой необходимости в сотворчестве, этой полной своей зависимости от другого, он так единственен, уединен и одинок.

«Чувствуй» (воспринимай) и «любуйся» – вот с чем идут к читателю писатели типа Бунина. – «Я сделал, а ты посмотри», «дал, а ты возьми», «страдал, а ты поразвлекись». Писатели типа Бунина хотят зрителя, писатели породы Пастернака хотят – писателя, второго себя.

«Работай», говорит Борис Пастернак, – «я бился – побейся и ты». (Я – над материалом, ты – надо мной, который для тебя тот же материал, первоисточник: природа.) Это – шахтер, в походе за золотом, а не рантье, нам это золото, на своих литературных приемах, в виде устриц, орхидей и чего еще? – расточающий.

Борис Пастернак нам дает, нет, Борис Пастернак нас приводит на прииски. – Добывай.

Борис Пастернак) – наше местознание. Добыча – наша.

Но насколько несравненно больше доверия и любви в этом «бейся», чем в олимпийском «любуйся» Бунина. Борис Пастернак с нами последним – своей трудовой жилой делится – не ценнее ли банкирского «золотого дна».

Борис Пастернак – наша трудовая, следовательно – золотая жила.

(Пишу Борис Пастернак и все время думаю о Втором Фаусте Гёте.)

Творчество Бориса Пастернака – огромная лаборатория (алхимика.) (NB! связать с тем золотом. Пожалуй, образ еще верней, ибо здесь больше добыванья и – не забыть! – так Бертольд Шварц изобрел порох.) Это прежде всего материал, черновик. Есть поэты «без черновики» – сразу набело – имя их легион и цена им грош. Есть поэты – сплошные черновики. Гёльдерлин, например, с четырьмя вариантами одного и того же стихотворения (абсолют, очевидно, им найден на небесах!)

Есть два рода поэтов: парнасцы и – хочется сказать – везувцы (-ийцы? нет, везувцы: рифма: безумцы). Везувий, десятилетия работая, сразу взрывается всем. (NB! Взрыв – из всех явлений природы – менее всего неожиданность.) Насколько такие взрывы нужны? В природе (а искусство – не иное), к счастью, вопросы не существуют, только ответы.

Борис Пастернак взрывается сокровищами.

16-го июня 1925 г.

у зубного врача

Потому что считали, что слишком мало – люди не давали мне НИЧЕГО.

Поэтому, должно быть, Борис Пастернак не посвятит мне ни одного стихотворения.

Боль. Даль.

Льзя.

1926 год

Тайна смерти Есенина... У этой смерти нет тайны. Она пуста. Умер от чего? Ни от чего: от ничего. Смерть Есенина равна жесту петли на шее. Есенин весь как на ладошке, и жизнь, и смерть. И лицо, и стихи. ... Пустота иногда полна звуками. Вот Есенин.

7 февраля 1927 г.

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Мечта о Прогулке в горах – сначала Савойи (купить путеводитель), потом –
оказывается – того света. Он водит. Мечта о другой прогулке – здесь (выбрать
место!) – я вожу. Оставить до лета, до годовщины его первого письма ко мне,
ставя на воскрешающей силе сроков (NB! Додумать).

1928 год

Любовь без ревности есть любовь вне пола. Есть ли такая? 1) без ревности 2) вне
пола. Есть любовь с невозможностью ревности, т. е. любовь несравненного, вне
сравнения стоящего. Так, может ли Гёте ревновать любимую – к любому? (Ревность –
ведь это некий низший заговор равных. Своего рода – братство. Одну дрянь
променяла на другую дрянью.)

В ревности ведь элемент – признания соперника, хотя бы – права его на
существование. Нельзя ревновать к тому, чего вообще не должно быть, к тому,
которого вообще – нет. (А Пушкин – Дантес?) Нельзя ревновать к пустому месту
(néant).

В ревности есть элемент равенства: ревность есть равенство. Нельзя ревновать к
заведомо-нижнему, соревноваться с заведомо-слабейшим тебя, здесь уже ревность
замещается презрением.

Позвольте, но есть разные планы превосходства (соревнования). Бетховен
превосходил любого – сущностью, но любой превосходил Бетховена – красотой. Гёте
(80-ти лет) превосходил любого гением (и красотой!), но любой превосходил его
молодостью.

Ревность от высшего к низшему (Бетховена – к Иксу, Гёте – к Игреку, Пушкина – к
Дантесу) не есть ревность лица к лицу, а лица – к стихии, т. е. к красоте,
молодости, скажем вежливо – шарму, которые есть – стихия (слепая).

К лицу ревновать не будешь, сам полюбишь! Гёте не может ревновать к Бетховену –
вздор! Либо: не та ревность, боль – иного качества: боль – восторг, за которую –
благодарность.

Но ревность Гёте к помощнику садовника, на которого загляделась его ...[15] (я
такого случая не знаю: наверное – был) – есть именно ревность в ее
безысходности, ревность к стихии – и потому – стихийная.

Только не надо путать стихии – с данным, его «лицо» (не-лицо) удостаивать своей
ревности (страдания). Надо знать, что терпишь от легиона: слепого и безымянного.

И чем нулевее соперник – тем полнее ревность: Пушкин – Дантес. (Нулевее – и как
круглый нуль, и как последний нуль порядкового числительного: миллионный,
ста-миллионный и т. д.)

В лице Дантеса Пушкин ревновал к нелицу. И – нелицом (пóлом – тем самым шармом!)
был убит.

лето 1928 г.

...Был большой спор о море, я единственная не люблю, то есть имею мужество в этом
признаться. «Любить – обязывает. Любить море – обязывает быть рыбаком, матросом,
– а лучше всего Байроном (и пловец, и певец!). Лежать возле моря – не значит
любить. Любить – знать, любить – мочь, любить – платить по счету. Как я смею
сказать, что люблю море, когда не плаваю, не гребу, не – не – не»... Никто не
понимал. «Ах, море»...

...Любовь (даже к морю) – прежде всего – делать дело, иначе это тупик, как море
для не пловца: меня.

Апрель 1930 г.

– Маяковский не только не прислуживался к Революции, а сидел за нее в тюрьме
гимназистом 16 лет.

– Поэма Октябрь ничуть не хуже первых вещей.

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru – Умер вовсе не потому что Революция умерла – а потому что девушка не любила. И умер вовсе не потому что и одна умерла и другая не любила – потому что – как еще Наполеон сказал Гёте о Вертере – от двух вещей не умирают (Вертер: любовь и расстроенные дела), всегда – от одной. (Иногда – от всего, но это тоже – от одного.) Народное: двум смертям не бывать относится не только к смерти, а к причине смерти. Так, например. Блок умер не от подагры + астмы + еще чего-то, а – от тоски. Которая – одна. Всегда – одна!

– Самое обидное, что можно сейчас сделать Маяковскому (а сделать ему может сейчас – всё – всякий – на которого он даже бы не плюнул!) – это сказать, что он умер разочаровавшись в .... Он был ей предан вплоть до двух (2-х) тысяч уплоченного налога. Сила этой смерти – в том, что он умер в полной силе, на высоте дара и судьбы.

Поэтому я его не жалею, а на него (за него) – радуюсь.

3-го июня 1931 г.

МОЯ СУДЬБА – КАК ПОЭТА –

в до-революционной России самовольная, а отчасти не-вольная выключенность из литературного) круга из-за раннего замужества с не-литератором (NB! редкий случай), раннего и страстного материнства, а главное – из-за рожденного отвращения ко всякой кружковщине. Встречи с поэтами (Эллисом, Максом Волошиным, О. Мандельштамом, Тихоном Чурилиным) не – поэта, а – человека, и еще больше – женщины: женщины, безумно любящей стихи. Читатель меня не знал, потому что после двух первых – самонапечатанных, без издательства – детских книг – из-за той же литературной оторванности и собственной особенности: ненавидела например стихи в журналах – нигде не печаталась. Первые стихи в журнале – в Северных Записках, потому что очень просили и очень понравились издатели, – в порядке дружбы. Сразу слава среди поэтов. До широкого круга не дошло, потому что журнал был новый – и скоро кончился. Все скоро кончилось.

Революция. В 1918 г. читаю стихи в кафе поэтов. Раз выступаю на вечере поэтесс. Успех – неизменный, особенно – Стенька Разин: «И звенят-звенят, звенят-звенят запястья: – Затонуло ты – Степанове – счастье!»

Перед отъездом из России выпускаю у Архипова (был такой!) маленькую книжечку «Версты» (сборничек) и Госиздат берет у меня Царь-Девуцу и другие «Версты», большие.

Заграница.

В 1922 г. в Берлине, еще до меня, появляются книжки (собственно, отрывки из Ремесла) – Стихи к Блоку и Разлука.

Приехав, издаю Ремесло (стихи за 1921 г. по апрель 1922 г., т. е. отъезд из России, Царь-Девуцу – с чудовищными опечатками и Психею (сборник, по примете романтики), купленную Гржебиным еще в России. Потом, в Праге, в 1925 г. – Мбодца. Потом, в Париже – кажется в 1927 г. – После России (за которую не получаю ни копейки).

Читателя в эмиграции нет. Есть – на лучший конец – сто любящих. (NB! Гораздо больше, но 1) я их не знаю и не вижу 2) они – хоть тысячи! – для меня ничего не могут, потому что у читателя в эмиграции нет голоса. Для полной справедливости скажу, что на мои рядовые вечера – именно на вечера – чтения: без всяких соблазнов! выхожу и читаю – годы подряд приходили все те же – приблизительно) 80–100 человек. Я свой зал знала в лицо. Иные из этих лиц, от времени до времени исчезали: умирали. 1938 г. Ванв.)

Моя внешняя литературная неудача – в выключенности из литературного круга, в отсутствии рядом человека, который бы занялся моими делами.

Внутренняя – нет, тоже внешняя! – ибо внутренние у меня были только удачи – в несвоевременности моего явления – что бы на двадцать лет раньше.

Мое время меня как действующую силу – смелó и смелó бы – во всякой стране (кроме

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru одной огромной и нескольких, многих (еще – многих!) маленьких). Я ему не подошла идейно, как и оно мне. «Нам встречи нет, мы в разных странах». Я – в стане уединенных, а оно – пустыня со всё редуцированными сторожевыми постами (скоро – просто кустами – с костями). Мало того, оно меня овражило и, естественно, огромчило, мне часто пришлось говорить (орать) на его языке – его голосом, «несвоим голосом», которому предпочитаю – собственный, которому – тишину.

Моя неудача в эмиграции – в том, что я не-эмигрант, что я по духу, т. е. по воздуху и по размаху – там, туда, оттуда. А содержания моего она, из-за гомеричности размеров – не узнала. Здесь преуспеет только погашенное и – странно бы ждать иного!

Еще – в полном отсутствии любящих мои стихи, в отсутствии их в моей жизни дней: некому прочесть, некого спросить, не с кем порадоваться. Все (немногие) заняты – другим. В диком творческом одиночестве. Всё auf eigene Faust.[16] От темы вещи до данного слога (говорю именно о слогах). Ненавидя кружки, так хотела бы – друзей.

В душности моего быта. В задушевности им.

Не знаю, сколько мне еще осталось жить, не знаю, буду ли когда-нибудь еще в России, но знаю, что до последней строки буду писать сильно, что слабых стихов – не дам.

Но знаю еще, что по сравнению с – хотя бы еще чешской захлестнутостью лирикой (1922 г. – 1925 г.) я иссохла, иссякла, – нищая. Но иссыхание, иссякновение – душевное, а не стихотворное. Глубинно-творческое, а не тетрадное.

Знаю еще, что сто́ит мне только взяться за перо...

Знаю еще, что все реже и реже за него берусь.

(NB! здесь говорю о лирике, т. е. отдельных лирических стихах, которые приходят – и, неосуществленные – уходят... 1938 г.)

Господи, дай мне до последнего вздоха пребыть героем труда:

– Итак, с Богом!

Июль 1931 г.

...Ведь Пушкина убили, потому что своей смертью он никогда бы не умер, жил бы вечно, со мной бы в 1931 году по лесу гулял. (Я с Пушкиным мысленно, с 16 лет, всегда гуляю, никогда не целуюсь, ни разу, ни малейшего соблазна.) Это – Пушкин никогда мне не писал «Для берегов отчизны дальней» – но заповедь последнего его письма, последние строки его руки – мне, Борис! – «так нужно писать историю» (русскую историю в рассказах для детей)... Пушкин – негр (черная кровь. фазтон!) – самое обратное самоубийству – жизнь!

1931 г.

Не хотела бы быть ни Керн, ни Ризнич, ни даже Марией Раевской. Карамзиной. А еще лучше – няней. Ибо никому, никому, никогда – с такой щемящей нежностью:

Подруга дней моих суровых,

Голубка дряхлая моя...

Ведь Пушкин (как вся его порода) любя презирал, дружа – чтил, только Гончарову не презирал (понятие жены!).

1931 г.

Единственный памятник, который следовало бы сбить, – это памятник Николаю I, убийцы Пушкина.

Или, щадя работу Клодта, надпись:

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«Памятник, воздвигнутый самодержавием убийце Пушкина».

10-го июля 1931 г.

ВСТРЕЧА С ВНУЧКОЙ ПУШКИНА

Прихожу к Елене Николаевне Арнольд. У нее сидит дама – белобрысая – белорыбица – альбиноска, страшно-постная и скучная. Через несколько минут после моего прихода Елена Николаевна, со свойственной ей бесцеремонностью, начинает ее – всячески выживать: – А Вам никуда не нужно идти? – Может быть Вам уже пора идти? – и так далее, и чем далее – тем грубее. Но дама – сидит, и Елена Николаевна, когда убеждается, что сидеть – будет, глубоким, громким, даже не актерским, а декламаторским голосом – мне: – А Вы зна-аете, дорогая! кто у меня сидит? Я, робко: – Вы, кажется, сказали Г-жа Розен... Розен... – Розенмайер – что! Розенмайер – ничто. Эта дама – внучка Пушкина. Родная внучка Александра Сергеевича.

И я, ничего не успев: – Дочь – Сашки?!

За 6 лет Парижа я у Елены Николаевны была в третий раз и ждала встретить у нее старую Т., «на которую» Елена Николаевна меня и пригласила – и до того ждала, что сначала подивилась ее молодости (Т. – около 80-ти лет) и такой полной белобрысости. (И даже «Розен...» не смутило.)

И вместо нее – встречаю внучку Пушкина, бывающую у Елены Николаевны раз в год и зашедшую случайно.

На вид – 45 лет – самый постный возраст! самый неудобноносимый и-выносимый, самый двусмысленный (сейчас, 1938 г. – мой, когда сам не знаешь – кто ты, на что похож, – впрочем, не сам, а сама, ибо у мужчин этого возраста нету) – итак, на вид 45 лет, но должна быть моложе, если не предполагать, что породила свою Светлану (названную, очевидно, в честь Пушкина, хотя это – Жуковский) 37-ми лет – что тоже возможно: всю жизнь собиралась – и разродилась.

О Светлане этой – Светике – говорит захлебываясь, показывает фотографию и открытку: тоже белорыбица – в русском костюме, за который где-то, конечно, получила какой-то приз, а пишет – 8 лет – Je tan brase.[17] Учится во французской школе. По-русски не читает и не пишет вовсе – и наверное не говорит. Сейчас – для точности – гостит в Баварии: оттуда анбразирует.

Итак – внучка Пушкина, родная дочь Александра Александровича, генерала, почетного опекуна, бывшего у нас в доме в Трехпрудном, куда ехал мимо дома Гончаровых, с нашим – смежным (наш – д. № 8, шоколадный, со ставнями, с двумя огромными серебряными тополями. Разобран в Революцию на дрова), родная дочь пушкинского Сашки – и жена «маленького русского офицера», сидящего в Шарантоне (у Елены Николаевны там сидит сын, и знакомство на этой почве).

Белобрысая, белобровая, белоглазая немка, никакая, рыба, с полным ртом холодного приставшего к небу сала (жирно картавит).

– У Вас есть какой-нибудь листок Пушкина?

Она, с удовлетворением и даже горделивой улыбкой:

– Ни-че-го. Папá все отдал в Академию наук.

Узнала от нее, что оба пушкинских имения живы (в Революцию был упорный слух, что Михайловское сгорело) – но сильно запущены. Единственное собственное – не на вопрос – сведение (вставка в наш с Еленой Николаевной разговор) – что Ганнибал был куплен Петром за бутылку рома – сведение, к которому уже Пушкин относился юмористически и уцелевшее только благодаря его реплике – насчет ваших предков, приносивших и уносивших царям ночные горшки (посудины).

Читаю Стихи к Пушкину, разрываюсь от волнения – что перед внучкой. Одиноко – разрываюсь, ибо не понимает ничего и не отзывается – никак. (Елена Николаевна, за всех хвастливая, спешно объявляет ей, что я самая великая и знаменитая поэтесса и т. д. – чего наверное не думает.)

И – о Пушкине – всё.

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru На ком был женат «Сашка», чтобы так дочиста ни одной пушкинской черты? А может быть – слишком поздно женился, когда своих уж – не бывает? Если ей сейчас – 40 лет, то родилась она в 1891 г., Пушкин умер в 1837 г. и Сашке (кажется) было 4 года, значит родился (ничего нет под рукой) в 1833 г. 1891–1833=58 лет. Нет, еще могут быть, у Бальмонта и у Александра) Ивановича Гучкова – чудные. Особенно – если пушкинская кровь (неутомимая). Так или иначе: бедная Светлана! Такая мать и шарантонский отец – пожалуй что и Пушкину не одолеть (уже не одолел: 8 лет и: je tap brase. Мур 9-ти лет не делал ни одной ошибки, а учился по-французски только год).

С увлечением – сладострастным хихиканьем и поддразниванием – говорит о квартире в 3 комнаты в Neuilly, которую сняла на три месяца совместно с какой-то французенкой и русскими. – Кто же эти русские – или секрет? – хозяйка, по-настоящему увлеченная, – и для которой «внучка Пушкина» не редкость, ибо знает ее – и цену ей (как выгоняла!!) – давно. – Никакого секрета нет и быть не может: все тайное станет явным (кроме тайны твоей наследственности). Имени русских, несмотря на бесстрастнейшие и подробнейшие расспросы хозяйки – не назвала.

Из моих стихов к Пушкину – самых понятных, то, с чего все и повелось: «Бич жандармов, бог студентов – Желчь мужей, услада жен» – не поняла ничего и не отозвалась ничем, ни звуком (даже: гмм...).

Внучка Пушкина – и я, внучка священника села Талиц.

Что же и где же – кровь.

Пушкин, при всем этом, конечно, присутствовал незримо, не мог не – хотя бы из-за юмора положения.

И, несмотря на: ни йоты, ни кровинки пушкинских, несмотря на (наконец, нашла!) рижскую мещанку – судорога благоговейного ужаса в горле, почти слезы, руку поцеловала бы, чувство реликвии – которого у меня нету к Пушкину – но тут два довода и вывода, которые, из честности, оставляю оба:

первое:

ибо Пушкин – читаю, думаю, пишу – жив, в настоящем, даже смерть в настоящем, сейчас падает на снег, сейчас просит морошки – и всегда падает – всегда просит – и я его сверстница, я – тогда; она же – живое доказательство, что умер: Пушкин во времени – и неизбежно в прошлом – раз мы (внучки) приблизительно одного возраста

и второе:

ибо Пушкин – все-таки – моя мечта, мое творческое сочувствие, а эта – его живая кровь и жизнь, его вещественное доказательство, его четверть крови...

Из этого (кажется, для обоих – вывод, сейчас спешу, не успею додумать – вывод: насколько жизнь (живое) несравненно сильнее – физически-сильнее, ибо судорога, слезы, мороз по коже, поцелуй руки – физика – самой сильнейшей, самой живейшей мечты, самая убогая очевидность (осязаемость) самого божественного проникновения.

Казалось, не я это говорю, я, всю жизнь прожившая мечтой, не мне бы говорить, но – мое дело на земле – правда, хотя бы против себя и от всей своей жизни.

---

10 июля 1931 г.

(Сейчас для меня ясно: волнение другого порядка. Одно – «Для берегов отчизны дальней», другое – Сашкина дочка в комнате. Если последнее волнение сильнее, то потому что физика, вообще, сильнее. Зубная боль сильнее (грубее) душевной. Но умирают – от душевной, от зубной – нет.

Сила еще не есть мерило вещи, это только – признак ее. И даже если от зубной боли пускают пулю в лоб – да, боль сильная, но и она и такая смерть – невысокого

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
порядка.)

1933 год

Любопытна судьба этих стихов: от меня – к Борису, о Борисе и мне. Часто, и даже годы спустя, мне приходилось слышать: «Самое замечательное во всей книге», узнавать, что эти стихи – чьи-то любимые: гвоздь в доску и перст в рану. Оказывается, они большинством были поняты, как о нас (здесь) и тех (там), о нас и России, о нас вне России, без России.

И теперь, перечитывая: все, каждая строка совпадает, особенно:

Разбили нас – как колоду карт!

Строка, за выразительностью, тогда мною оставленная, но с огорчительным сознанием несоответствия образу: двух нельзя разбить как колоду, колода – множество, даже зрительно: карты летят.

Даже мое, самое личное, единоличное:

Который уж, ну – который март? (Месяц того потока стихов к Борису) март – почти что пароль нашего с Борисом заговора – даже этот март оказался общим, всеобщим («Которую весну здесь сидим и сколько еще??»)

Редкий, редчайший случай расширения читателем писательского образа, обобщения, даже увечнения частности.

Ни о какой эмиграции и России, пиша, не думала. Ни секунды. Думала о себе и о Борисе. – И вот. –

1934 год

Мур – 23 февраля 1934 г. (9 лет 23 дня) – 1-ый школьный год: Вѣт я сегодня глядел на учительницу и думал: – Вот у нее есть какая-то репутация, ее знают в обществе, а мама – ведь хорошо пишет? – а ее никто не знает, потому что она пишет отвлеченные вещи, а сейчас не такое время, чтобы читали отвлеченные вещи. Так что же делать? Она же не может писать другие вещи.

21 июля 1935 г.

Мур (в ответ на мои стихи: Небо – синей знамени. Сосны – пучки пламени...) – Синее знамя? Синих знамен нет. Только у канáков пучки пламени? Но ведь сосны – зеленые. Я так не вижу, и никто не видит. У Вас белая горячка: синее знамя, красные сосны, зеленый змей, белый слон. Как? Вы не любите красивой природы? Вы – сумасшедшая! Ведь все любят пальмы, синее море, горностаи, белых шлицов. Для кого Вы пишете? Для одной себя, Вы одна только можете понять, потому что Вы сами это написали!

16-го февраля 1936 г.

У Пастернака только одна забота: зрительная (то есть смысловая) точность эпитета. У меня вся эта забота множится на бессмысленную слуховую точность звука, – смысла знать не знающую (на предначертанность звучания) звучать должно так-то, а значить то-то. И никаких!

Если бы мне на выбор – никогда не увидеть России – или никогда не увидеть своих черновых тетрадей (хотя бы этой, с вариантами Царской Семьи) – не задумываясь, сразу. И ясно – что.

Россия без меня обойдется, тетради – нет.

я без России обойдусь, без тетрадей – нет.

Потому что вовсе не: жить и писать, а жить-писать и: писать – жить. Т. е. всё осуществляется и даже живется (понимается ...) только в тетради. А в жизни – что? В жизни – хозяйство: уборка, стирка, топка, забота. В жизни – функция и

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru отсутствие. Которое другие наивно принимают за максимальное присутствие, до которого моему так же далёко, как моей разговорной (говорят – блестящей) речи – до моей писаной. Если бы я в жизни присутствовала... – Нет такой жизни, которая бы вынесла мое присутствие. Скромный пример: моя попытка присутствия всегда разбивала – не жизни (слава Богу! 2) это может и каждая мидинетка), а самой жизнь. – Это не жизнь, а сон какой-то... С Вами не живешь, а паришь! (Или – «горишь») – и эти слова мне говорились иначе, чем мидинетке или актрисе, уже потому что не радостно, а испуганно, восхищенно-устрашено – и устрашено побуждало, т. е. человек из орлиных когтей моего восхищения: восхищения – вырывался – или я сама выпускала – и – разбивался? нет, потеряв лоб или затылок – разгибался как резиновый. И жил дальше. А я жила – дальше, то есть дальше писала. Это история моей каждой любви.

Май 1936 год

Мне нечего давать в Современные Записки, потому что все стихи недописаны: в последнюю секунду уверенность, что можно – или отчаяние, что должно – данную строку (иногда дело в слове) сделать лучше.

1930-е годы

Оставьте меня, потрясения, войны и т. д. У меня свои события: свой дар и своя обида – о, за него, не за себя.

Летопись своей судьбы.

Свое самособытие.

Войны и потрясения станут школьной невнятицей, как те войны, которые учили – мы, а мое – вечно будет петь.

15-го марта 1939 г.

15-го марта 1939 г. – вход в Прагу. В 7 ч. 45 мин. освещается градчанский замок, взвигается флаг. Вся Прага – на площади: последний гимн, вся толпа поет и плачет. 16-го – сплошной парад, оркестры военной музыки, вся Прага залита офицерами. Толпа идет к Памятнику павшим (Monument aux morts) – за независимость Чехии: толпа нашла свою дорогу.

Так что мое «Можно ль, чтоб века бич слепоок родину света взял под сапог» – сказанное тогда в сентябре и недосказанное, потому что не знала: где радий? в отобранных или неотобранных областях? – сбылось: вся родина (света) взята под сапог!

8 апреля 1939 г.

Страстная Суббота – 8-го апреля 1939 г. Пастёр. – Вчера сожрали Албанию. Скипер вопил на всех языках: Спасите Албанию! (S. O. S.) Потрясающая телеграмма какого-то министра – захватчику: 500 лет назад варварами были – азиаты... У азиатов были руки в нашей крови... Муссолини?, пока не поздно... Мы – не сдадимся. Нам честь – дороже жизни. В наш край вы придете по трупам, не только мужчин, но и женщин... – Attention! Tirana parle... Attention! Tirana parle...[18] – и безумный (нарочный) треск морса – не заглушающего. 100000 итальянцев – (иные говорят сорок: всё равно) напали на страну с миллионом населения. Жена короля Зогу – Джеральдина – бежала с 2-дневным сыном... Нынче, в Страстную Субботу, итальянцы вошли в Тирану и Скутари. Население ушло в горы. Нет пуль – бросают камни. – «Черногорцы, что такое?...» И Тироль. И Кавказ.

9-го мая 1939 г.

Вчера, 8-го мая – Hommage à la Tchecoslovaque.[19] Узнаю в 1 ч. дня. Занимаю деньги, бегу (NB! по плану, ежесекундно сличая) на Bonaparte: 18, Rue Bonaparte – Colonie Tchecoslovaque[20] – где продаются билеты – там билетов уже нет, все оставшиеся вернули утром в Trocadéro – вечером, в 8 1/2 ч. вхожу в Trocadéro – везде полиция – потоки дам и господ – билетов нет – ни одного, ни за 10 – ни за 15 – ни за – (все мои чешские стихи).

Идем с Муром домой – Сеной. Мур – утешает. Я – спокойна: так со мной было – всю

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru жизнь.

А пели – чешский гимн. И были – все чехи Парижа. И этого я уже никогда не увижу и не услышу.

Единственное «зрелище» на которое мне – за годы – может быть за всю границу (17 лет) страстно захотелось – потому что не зрелище.

И –

Ну – судьба. (Моя вечная несудьба). Fatalité.[21] Но – с'est dur.[22] мц.

1939 год

...Сон 23 апреля 39 г. Иду вверх по узкой тропинке горной – ландшафт св. Елены: слева пропасть, справа отвес скалы. Разойтись негде. Навстречу – сверху лев. Огромный. С огромным даже для льва лицом. Крещу трижды. Лев, ложась на живот, проползает мимо со стороны пропасти. Иду дальше. Навстречу – верблюд – двугорбый. Тоже больше человеческого, верблюжьего роста, необычайной даже для верблюда высоты. Крещу трижды. Верблюд перешагивает (я под сводом: шатра: живота). Иду дальше. Навстречу – лошадь. Она – непременно собьет, ибо летит во весь опор. Крещу трижды. И – лошадь несется по воздуху – надо мной. Любуюсь изяществом воздушного бега.

И – дорога на тот свет. Лежу на спине, лечу ногами вперед – голова отрывается. Подо мной города... сначала крупные, подробные (бег спиралью), потом горстки белых камешков. Горы – заливы – несусь неудержимо; с чувством страшной тоски и окончательного прощания. Точное чувство, что лечу вокруг земного шара, и страстно – и безнадежно! – за него держусь, зная, что очередной круг будет – вселенная: та полная пустота, которой так боялась в жизни: на качелях, в лифте, на море, внутри себя.

Было одно утешение: что ни остановить, ни изменить: роковое. И что хуже не будет. Проснулась с лежащей через грудь рукой «от сердца»...

Да, конечно...

Итак, вчера, 28 апреля, возвращаясь из Printemps,[23] где два-три часа сряду видела из всех зеркал свою зеленую образину – в синем (самовязаном) берете и кожаном пальто – на фоне 400 франков, 500 франков и 995 франков robe raisanne[24] с цветочками, и купив в конце концов 5 метров синего ситца, с цветочками – по 7 франков 90 сантимов метр – не из-за дешевки только, а потому что больше всего понравился.

...чтобы не казаться душой и сумасшедшей, сразу своротив обратно, стою минуту перед какой-то писчебумажной лавочкой – и обратно, убежденная, что ту мясную сгоряча проскочила, что было (и все те лавки) – до пустынного здания. Смотрю на весь левый бок улицы, так и иду с (повернутой?) шеей. И здание то же самое, и за ним – никаких лавочек, потому что конец улицы, это здание – конец бульвара. Я пошла не на тот бульвар и, ничего не узнавая, шла по чужой улице, когда это была моя, по которой хожу – сентябрь – конец апреля, семь с половиной месяцев в каждый день по 2–3 раза, и по которой знаю все, которую всю знаю наизусть.

– А то голое здание был угол лица, мимо которого 7 1/2 месяцев. О, Боже, Боже! Думаю и боюсь, что так же сразу забуду – не узнаю – землю: собственных стихов – и рук... может быть, уже не узнаю.

Дело не в благодарности (беспамятности), благодарнее меня нет – а... в неуверенности ни в чем достоверном, в отродясь потерянном чувстве достоверности, в чувстве исправления, в неудивлении – чудесам: а если я вдруг, идя, полечу – не удивлюсь, а узнаю, что не может быть – раз все это есть – что нет того света: я сама уже тот свет, с его чувствами. Не может быть, – раз все это есть – не быть того света.

1940 год

Возобновляю эту тетрадь 5-го сентября 1940 г. в Москве. 18-го июня приезд в Россию. 19-го в Болшево, свидание с больным Сережей. Неуют. За керосином. Сережа

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru покупает яблоки. Постепенное щемление сердца. Мытарства по телефонам. Энигматическая Аля, ее накладное веселье. Живу без бумаг, никому не показываюсь. Кошки. Мой любимый неласковый подросток – кот. (Всё это для моей памяти, и больше ничьей: Мур, если и прочтет, не узнает. Да и не прочтет, ибо бежит – такого.) Торты, ананасы, от этого – не легче. Прогулки с Милей. Мое одиночество. Посудная вода и слезы. Обертон – унтертон всего – жуть. Обещают перегородку – дни идут, Мурину школу – дни идут. И отвычный деревянный пейзаж, отсутствие камня: устоя. Болезнь Сережи. Страх его сердечного страха. Обрывки его жизни без меня, – не успеваю слушать: полны руки дела, слушаю на пружине. Погреб: 100 раз в день. Когда – писать??

Девочка Шура. Впервые – чувство чужой кухни. Безумная жара, которой не замечаю: ручьи пота и слез в посудный таз. Не за кого держаться. Начинаю понимать, что Сережа бессилён, совсем, во всем. (Я, что-то вынимая: – Разве Вы не видели? Такие чудные рубашки! – я на Вас смотрел!)

(Разворачиваю рану. Живое мясо. Короче:)

27-го в ночь арест Али. Аля – веселая, держится браво. Отшучивается.

Забыла: последнее счастливое видение ее – дня за 4 – на Сельско-хозяйственной выставке, «колхозницей», в красном чешском платке – моем подарке. Сияла. Уходит, не прощаясь. Я: –Что же ты, Аля, так, ни с кем не простившись? Она в слезах, через плечо – отмахивается. Комендант (старик, с добротой): – Так – лучше. Долгие проводы – лишние слезы...

О себе. Меня все считают мужественной. Я не знаю человека робче себя. Боюсь – всего. Глаз, черноты, шага, а больше всего – себя, своей головы – если это голова – так преданно мне служившая в тетради и так убивающая меня – в жизни. Никто не видит – не знает, – что я год уже (приблизительно) ищу глазами – крик, но его нет, потому что везде электричество. Никаких «люстр»... Я год примеряю – смерть. Все – уродливо и – страшно. Проглотить – мерзость, прыгнуть – враждебность, исконная отвратительность воды. Я не хочу пугать (посмертно), мне кажется, что я себя уже – посмертно – боюсь. Я не хочу – умереть, я. хочу – не быть. Вздор. Пока я нужна... Но, Господи, как я мало, как я ничего не могу!

Доживать – дожевывать

Горькую полынь –

Сколько строк, миновавших! Ничего не записываю. С этим – кончено. Николай Николаевич) принес немецкие переводы. Самое любимое, что есть: немецкие народные песни. Песенки. О, как все это я любила!

Сентябрь 1940

...Тарасенков, например, дрожит над каждым моим листком. Библиофил. А то, что я, источник (всем листочкам!), – как бродяга с вытянутой рукой хожу по Москве: – Пода-айте, Христа ради, комнату! – и стою в толкучих очередях – и одна возвращаюсь темными ночами, темными дворами – об этом он не думает...

... – Господа! Вы слишком заняты своей жизнью, вам некогда подумать о моей, а – стоило бы... (Ну не «господа», – «граждане»...)

Сегодня, 26-е сентября по старому (Иоанн Богослов), мне 48 лет. Поздравляю себя: 1) (тьфу, тьфу тьфу!) с уцелением, 2) (а может быть 1) с 48-ю годами непрерывной души.

Моя трудность (для меня – писания стихов и, может быть, для других – понимания) в невозможности моей задачи. Например, словами (то есть смыслами) сказать стон: á – а – а. Словами (смыслами) сказать звук. Чтобы в ушах осталось одно á – а – а.

Зачем (такие задачи?).

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Октябрь 1940 г.

Нынче, 3-го, наконец, принимаюсь за составление книги, подсчет строк, ибо 1-го ноября все-таки нужно что-то отдать писателям, хотя бы каждому – половину. (NB! Мой Бодлер появится только в январской книге, придется отложить – жаль.)

...Да, вчера прочла – перечла – почти всю книгу Ахматовой и – старо, слабо. Часто (плохая и верная примета) совсем слабые концы; сходящие (и сводящие) на нет. Испорчено стихотворение о жене Лота. Нужно было дать либо себя – ею, либо ее – собою, но – не двух (тогда была бы одна: она).

...Но сердце мое никогда не забудет

Отдавшую жизнь за единственный взгляд.

Такая строка (формула) должна была даваться в именительном падеже, а не в винительном. И что значит: сердце мое никогда не забудет... – кому до этого дело? – важно, чтобы мы не забыли, в наших очах осталась –

Отдавшая жизнь за единственный взгляд...

Этой строке должно было предшествовать видение: Та, бывшая!.. та, ставшая солью, отдавшая жизнь за единственный взгляд – Соляной столб, от которого мы остолбенели. Да, еще и важное: будь я – ею, я бы эту последнюю книгу озаглавила: «Соляной столб». И жена Лота, и переключка с Огненным (высокая вечная верность) в двух словах вся беда и судьба.

Ну, ладно...

Просто, был 1916 год, и у меня было безмерное сердце, и была Александровская Слобода, и была малина (чудная рифма – Марина), и была книжка Ахматовой... Была сначала любовь, потом – стихи...

А сейчас: я – и книга.

А хорошие были строки:...Непоправимо-белая страница... Но что она делала: с 1914 г. по 1940 г.? Внутри себя. Эта книга и есть «непоправимо-белая страница»...

Говорят, – Ива. Да, но одна строка Пастернака (1917 г.):

Об иве, иве разрыдалась, –

и одна моя (1916 г.) – к ней:

Не этих ивовых плавающих ветвей

Касаюсь истово, а руки твоей... –

и что́ остаётся от ахматовской ивы, кроме – ее рассказа, как она любит иву, то есть – содержания?

Жаль.

Ну, с Богом, – за свое. (Оно ведь тоже и посмертное.) Но –

Et ma cendre sera plus chaude que leur vie.[25]

24-го октября 1940 г.

Вот, составляю книгу, вставляю, проверяю, плачу деньги за перепечатку, опять правлю, и – почти уверена, что не возьмут, диву далась бы – если бы взяли. Ну, я свое сделала, проявила полную добрую волю (послушалась – я знаю, что стихи – хорошие и кому-то – нужные (может быть даже – как хлеб)).

Ну – не выйдет, буду переводить, зажму рот тем, которые говорят: – Почему Вы не пишете? – Потому что время – одно, и его мало, и писать себе в тетрадку – Luxe.[26] Потому что за переводы платят, а за свое – нет.

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

По крайней мере – постаралась.

26-го (кажется!) октября 1940 г. – перед лицом огромного стылого окна.

Я, кажется, больше всего в жизни любила – уют (sécurité[27]). Он безвозвратно ушел из моей жизни.

Во мне – таинственно! – уцелела невинность: первого дня, весь первый день с его восхищением – изумлением – и доверием. Для меня всякий – хорош (а плохой – больной)...

25-го декабря 1940 г..Иду в Интернациональную, в коридоре... встречаю Живова – мил, сердечен – чуть ли не плачу. – «Вас все так любят. Неужели это – только слова?» И в ответ на мой рассказ, что моя книга в Гослитиздате зарезана словом (Зелинского, я всегда за авторство) формализм: – У меня есть все Ваши книги, – наверное, больше, чем у Вас, и я объявляю, что у Вас с самого начала до нынешних дней не было и нет ни одной строки, которая бы не была продиктована... (Я: – Внутренней необходимостью) какой-нибудь мыслью или чувством.

Вот – аттестация читателя.

Поэт (подлинник) к двум данным (ему Господом Богом строкам) ищет – находит – две заданные. Ищет их в арсенале возможного, направляемый роковой необходимостью рифм – тех, Господом данных, являющихся – императивом.

Переводчик к двум данным (ему поэтом) основным: поэтовым богоданным строкам – ищет – находит – две заданные, ищет в арсенале возможного, направляемый роковой необходимостью рифмы – к тем, первым. Господам (поэтом) данным, являющимся – императивом.

Рифмы – к тем же вещам – на разных языках – разные.

Уточнение: Рифма всюду может быть заменена физикой (стиха). Так, например, я строку, кончающуюся на amour[28] и рифмующую с toujours[29] не непременно – переведу: любовь – и кровь, но работу я найду с лучших основных строк двустипия и, дав их адекватно, то есть абсолютно к моей, русской, их транскрипции, буду искать – уже в моем, русском, арсенале, пытаюсь дать – второй (посильный) абсолют.

Что нам дано в начале каждой работы и в течение каждой ее строки: полное сознание – не то, то есть неузнавание настоящего: этого берегись (звучащего слова, образа), берегись: заведет! и каждое то сопутствуется радостью узнавания: та – строка – эта из всех человеческих лиц – то самое, да что лица – в лицах ошибаешься, в строках – нет! (А здесь работа с неудачным подстрочником Этери...) Мы должны бороться с зафиксированными (в звуках и в образах) неудачами автора.

Октябрь – декабрь 1940 г.

..Да, мысль:

Одиноко – как собака...

– гарантия поэта... око – ака...

– может быть, наводящее (и никогда не случайное) созвучие, настойчивость созвучия, уже дающее смысл: одиноко – как собака – ведь эта строка – уже целая поэма, и, может быть, правы японцы и тысячелетия, дающие – первые – и

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru оставляющие – вторые – только одну строку, всё в одной строке – и представляющие дальнейшее – тебе...

Может быть, наше малодушие – дописывать – то есть богоданной строке (чаще двум) приписывать – начало, достигнутой цели – дорогу? (уже пройденную внутри, может быть, в течение всей жизни (она и была – дорога!)), может быть – в молнию сна...)

Господи! Как хорошо, что есть два слова: aube и aurore (рассвет и заря) и как я этим счастлива, и насколько aube лучше aurore, которая (и вещь, и звук) тоже чудесна, и как обе – сразу, для слуха уже, звучат женскими именами и пишутся (слышатся) с большой буквы!

Aube-Aude – (по-моему – любимая Роланда: – la belle Aude, которая конечно походила на aube, да и была ею – настолько в Chanson de Roland ее – нет). И как хорошо, что у нас рассвет – он, а заря – она (откровенная)...

я, любя природу, кажется, больше всего на свете, без ее описаний обошлась: я ее только упоминала: видение дерева. Вся она была фоном к моей душе. Еще: я ее иносказывала: Березовое серебро! Ручьи живые!

Во мне – таинственно! – уцелела невинность: первого дня, весь первый день с его восхищением – изумлением и доверием. Для меня всякий – хорош (а плохой – больной)...

декабрь 1940 г.

Потом видела во сне С. Я. Парнок, о которой не думаю никогда и о смерти которой не пожалела ни секунды, – просто – тогда все чисто выгорело – словом, ее, с глупой подружкой и очень наивными стихами, от которых – подружки и стихов – я ушла в какой-то вагон III класса и даже – четвертого.

6-го января 1941 г.

– нынче ташу поляков в Гослитиздат. Среди них один – замечательный (по усилию точно сказать – несказанное) – Юлиан Пшибось.

Большой поэт целиком уцелевает в подстрочнике.

Не большой – целиком пропадает: распадается на случайности рифм и созвучий.

И это я – «формалист»!!!

(О, сволочь: Зелинский!)

27-го января 1941 г., понедельник.

Мне 48 лет, а пишу я – 40 лет и даже 41, если не сорок два (честное слово) и я, конечно, по природе своей – выдающийся филолог, и – нынче, в крохотном словарчике, и даже в трех, узнаю, что ПАЖИТЬ–расage – пастбище, а вовсе не поле, нива: сжатое: отдыхающее – поле. И так, я всю жизнь считала (и, о ужас может быть писала) пажить – полем, а это луг, луговина. Но – вопреки трем словарям (несговорившимся: один французский – старый, другой – советский, третий – немецкий) все еще не верю. Пажить – звучит: жать, жатва.

Вчера, по радио, Прокофьев (пишет очередную оперу. Опера у него – функция) собственным голосом:

– Эту оперу нужно будет написать очень быстро, потому что театр приступает к постановке уже в мае (может быть, в апреле – неважно).

– Сергей Сергеевич! А как Вы делаете – чтобы писать быстро? Написать – быстро? Разве это от Вас (нас) зависит? Разве Вы – списываете?

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Еще:

– Театр приступает к постановке – уже в мае.

К постановке ненаписанной, несуществующей оперы. – Прокофьева. – Это единственная достоверность.

Быстро. Можно писать – не отрываясь, спины не разгибая и – за целый день – ничего. Можно не, к столу не присесть – и вдруг – все четверостишие, готовое, во время выжимки последней рубашки, или лихорадочно роясь в сумке, набирая ровно 50 копеек, думая о: 20 и 20 и 10. и т. д.

Писать каждый день. Да. Я это делаю всю (сознательную) жизнь. На авось. Авось да. – Но от: каждый день – до: написать быстро... Откуда у Вас уверенность? Опыт? (Удач.) У меня тоже – опыт. Тот же, Крысолов, начатый за месяц до рождения Мура, сданный в журнал, и требовавший – по главе в месяц. Но – разве я когда-нибудь знала – что допишу к сроку? Разве я знала – длину главы: когда глава кончится? Глава – вдруг – кончилась, сама, на нужном ей слове (тогда – слоге). На нужном вещи – слоге. Можно – впадать в отчаяние – что так медленно, но от этого – до писать быстро...

– Все расстояние между совестью – и бессовестью, совестью – отсутствием ее.

Да, да, так наживаются дачи, машины, так – может быть (поверим в злостное чудо!) пишутся, получают, оказываются гениальные оперы, но этими словами роняется достоинство творца.

Никакие театры, гонорары, никакая нужда не заставит меня сдать рукописи до последней проставленной точки, а срок этой точки – известен только Богу.

– С Богом! (или:) – Господи, дай! – так начиналась каждая моя вещь, так начинается каждый мой, даже самый жалкий, перевод (Франко, например).

Я никогда не просила у Бога – рифмы (это – мое дело), я просила у Бога – силы найти ее, силы на это мучение.

Не: – Дай, Господи, рифму! – а: – Дай, Господи, силы найти эту рифму, силы – на эту муку. И это мне БОГ – давал, подавал.

Вот сейчас (белорусские евреи). Два дня билась над (подстрочник):

«А я – полный всех даров – Науками, искусствами, все же сентиментален, готов сказать глупость банальную:

Такая тоска ноет в сердце

От полей только что сжатых!»

(Только что сжатых полей не влезало в размер.) Вертела, перефразировала, иносказывала, ум-за-раз-ум заходил, – важна, здесь, простота возгласа. И когда, наконец, отчаявшись (и замерзши, – около 30-ти градусов и все выдувает), влезла на кровать под вязаное львиное одеяло – вдруг – сразу – строки:

– Какая на сердце пустота

От снятого урожая!

И это мне – от Бога – в награду за старание. Удача – (сразу, само приходящее) – дар, а такое (после стольких мучений) – награда.

Недаром меня никогда не влекло к Прокофьеву. Слишком благополучен. Ни приметы – избранничества. (Мы все – клейменные, а Гёте – сам был Бог.) Иногда и красота – как клеймо. (Тавро – на арабских конях.) Но – загадка – либо Прокофьев, действительно, сам, как Маяковский – сам (но Маяковский был фетишист), – либо сам – нет (кроме самообмана), и, в последнюю минуту, Прокофьеву подает – все-таки БОГ.

Верующая? – Нет. – Знающая из опыта.

Февраль 1941

Я отродясь – как вся наша семья – была избавлена от этих двух понятий: слава и деньги. Ибо для чего же я так стараюсь нынче над... вчера над... завтра над... и вообще над слабыми, несуществующими поэтами – так же, как над существующими, над Кнапгейсом? – как над Бодлером?

Первое: невозможность. Невозможность иначе. Привычка – всей жизни. Не только моей: отца и матери. В крови. Второе: мое доброе имя. Ведь я же буду – подписывать. Мое доброе имя, то есть: моя добрая слава. – «Как Цветаева могла сделать такую гадость?» невозможность обмануть – доверие.

(Добрая слава, с просто – славой – незнакома.) Слава: чтобы обо мне говорили. Добрая слава: чтобы обо мне не говорили – плохого. Добрая слава: один из видов нашей скромности – и вся наша честность.

Деньги? – Да плевать мне на них. Я их чувствую только, когда их – нет. Есть – естественно, ибо есть естественно (ибо естественно – есть). Ведь я могла бы зарабатывать вдвое больше. Ну – и? Ну, вдвое больше бумажек в конверте. Но у меня-то что останется? Если взять эту мою последнюю спокойную... радость.

Ведь нужно быть мертвым, чтобы предпочесть деньги.

---

27 мая 1941 г.

Песни Миньоны Гёте, но – для музыки (которой не знаю...), а я и так еле-еле концы с концами свожу...

Примечания

1
Чудо-ребенок (нем.)

2
Вытянутая (фр.)

3
Это было скорее желание, чем предсказание. Але сейчас 5 лет 8 месяцев – у нее золотистые волосы и те же – огромные – светло-голубые глаза (примеч. М. Цветаевой).

4
*Спящая красавица (фр.)

5
Бегать наперегонки (фр.).

6
Скорбящая мать (лат.).

7
Ответный (сокрушительный) удар (фр.).

8
Деклассирована (фр.).

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
9
«Дама с камелиями» (фр.).

10
Из игры (нем.).

11
«Девяносто третий год» (фр.).

12
Неразборчиво.

13
Буквально: «Вращать большими пальцами», то есть сидеть без дела (фр.).

14
Подспорья (фр.).

15
Обозначены пропуски в рукописи.

16
На свой риск (нем.).

17
Надо: je t'embrasse – обнимаю тебя (фр.).

18
Внимание! Говорит Тирана... Внимание! Говорит Тирана... (фр.).

19
Вечер в честь Чехословакии (фр.).

20
Улица Бонапарта – колония Чехословакии (фр.).

21
Рок (фр.).

22
Это трудно (фр.)

23
«Весна» – название фирменного магазина (фр.).

24
Крестьянское платье (фр.).

25
И прах мой будет жарче их жизни (фр.).

Из записных книжек и тетрадей. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
26
Роскошь (нем.).

27
Обеспеченность, гарантия (фр.).

28
Любовь (фр.).

29 Всегда (фр.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!